

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художественно-литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 2 рубля.	На 3 мѣсяца . . . 55 коп.
На полгода . . . 1 рубль.	На 1 мѣсяць . . . 20 коп.

Отдѣльные номера: въ С.-Петербургѣ 5 коп.
въ Москвѣ и въ провинціи 7 коп.

Главная Контора и Редакція:
С.-Петербургъ, Галерная, 40.

Купальный сезонъ за-границей.

Рисунокъ Л. Штримля.

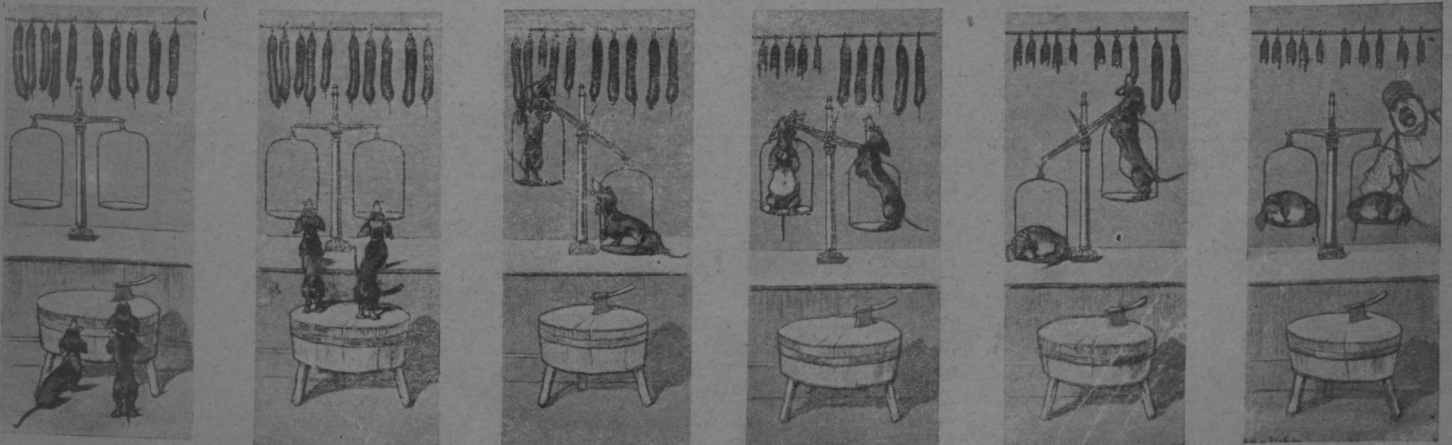

Признаніе.

- Дорогой докторъ, я чувствую... я чувствую...
- Что же вы чувствуете?
- Я чувствую... что мнѣ не слѣдовало завтракать передъ купаніемъ!

Тогошникъ. — Даю вамъ пятьсотъ рублей, — придите послѣднимъ.
Жокей. — Я уже получилъ вдвое больше за то, что приду къ столбу первымъ. Я не могу измѣнить своему слову!

Какъ были съѣдены колбасы? — Исторія безъ словъ въ 6-ти картинахъ.

Ходъ короля.

№ 12.

		ны	хъ с	новъ		
ъ и	ѣтел	ван	вѣч	чезъ	кра	еть
нов	ро	но с	не ис	са на	ерка	ромъ
ъ онъ	съ оч	чуде	день	дъ ша	хъ хо	за св
вос	ъ дла	твой	гром	здны	ж нъ	и ти
крес	мъ за	са но	ъ сер	о звѣ	хъ и ч	нѣ
цвѣ	небе	ебро	скор	пта	твой	стѣе
ли	вдох	ихъ	крас	сонъ	твое	а сча
нове	тво	ота	уста	ты	ло и п	гло
ній	раю	стеръ	нула	сомк	е и ле	на че
щій	и про	умя	на ша	шло	гор	быть
день	ме	теръ	ниво	теръ	нъ за	нихъ
талъ	кос	раз	къ те	бѣ	утом	стра
с ѣ	Поту	меня	лъ нѣи	тѣнь	ную	лен
скиѣ	воло	чѣ у	лаго	на	мы	отдо
ни	ли ог	тис	пле	дня	хни	одни

Старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ.

(Новыя данныя).

Глухая исповѣдь. — Генераль Дибичъ и вагенмейстеръ Соломка. — Разрушительный ядъ. — Бальзамированіе. — Таинственное освидѣтельство. — Фельдъегерь Масковъ. — Богатство лейбъ-медиковъ Вилліе и Тарасова. — Высокопоставленные посѣтители.

Въ Москвѣ сравнительно не такъ давно проживалъ нѣкій Е. С. Арзамасцевъ, хорошо знакомый съ вагенмейстеромъ Соломкой, который сопровождалъ Александра Павловича въ его послѣднемъ путешествіи. Этотъ Арзамасцевъ передавалъ и нынѣ здравствующему и проживающему въ г. Томскѣ И. Г. Чистякову слѣдующій рассказъ, лично имъ слышанный отъ полковника Соломки: «Однажды, чуть-ли не 18-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ, мимо дворца, въ которомъ имѣлъ пребываніе императоръ Александръ Павловичъ, случайно проходилъ мѣстный протоіерей Федотовъ. Въ это время съ крыльца быстро сходитъ генераль Дибичъ и, обращаясь къ о. протоіерею, говорить:

— Батюшка, государь опасно заболѣлъ, нужно немедленно исповѣдать и приобщить его.

Протоіерей сходилъ за св. дарами и тотчасъ же вернулся во дворецъ. Его встрѣтилъ тотъ же Дибичъ и провелъ въ опочивальню государя. Странное впечатлѣніе произвела на духовника эта царская опочивальня. Это была громадная комната, одна часть которой была отдѣлена драпировкой. Въ комнатѣ было почти темно, такъ какъ она освѣщалась только одною лампадою передъ иконами. Дибичъ провелъ священника за драпировку. Тамъ стояла кровать, на которой лежалъ какой-то человѣкъ. Лица его

разсмотрѣть въ темнотѣ не было возможности. Дибичъ, обратясь къ духовнику, сказалъ: «Батюшка, это государь императоръ, исповѣдуйте и приобщите его». Въ комнатѣ, кромѣ больного, духовника и Дибича, никого не было. Священника поразила столь необычайная обстановка предсмертной исповѣди императора, но онъ все-таки исполнилъ приказаніе, далъ больному глухую исповѣдь и приобщилъ его св. тайнъ»...

Тотъ же полковникъ Соломка передавалъ упомянутому выше Е. С. Арзамасцеву, а послѣдній И. Г. Чистякову, и такой рассказъ:

«18-го ноября 1825 года, вечеромъ, когда уже достаточно стемнѣло, государь позвалъ Соломку и приказалъ ему осѣлать трехъ лошадей. Когда лошади были осѣдланы, Александръ Павловичъ сѣлъ на одну изъ нихъ, а на остальные двѣ приказалъ сѣсть генералу Дибичу и Соломкѣ. Всѣ втроемъ поѣхали за городъ и отѣхали верстъ семь. Тогда государь остановился, сердечно попрощался съ Дибичемъ и Соломкой, велѣлъ имъ вернуться назадъ и строго приказалъ никому не говорить о случившемся. Самъ же, прищипривъ коня, быстро поскакалъ впередъ и скоро скрылся въ темнотѣ.»

Тотъ же Соломка предполагалъ, что вмѣсто императора Александра Благословеннаго погребенъ кто-то другой, отравленный какимъ-нибудь сильнодѣйствующимъ разрушительнымъ ядомъ. По крайней мѣрѣ, по его словамъ, самая тщательная бальзамировка не могла спасти тѣло покойника отъ разрушенія.

Перевезеніе тѣла было обставлено особыми предосторожностями. Во время пребыванія его въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ Архангельскомъ соборѣ, ворота въ Кремль запирались съ 9 часовъ вечера и у каждаго входа ставились заряженные орудія. Пѣхота располагалась въ Кремлѣ, а кавалерія въ полной готовности въ эскерциргаузѣ. По улицамъ всю ночь ходили военные патрули.

Для народа тѣло не открывалось. Въ Петербургѣ объ этомъ былъ возбужденъ вопросъ, но Государь Николай I не изъявилъ на то своего согласія, вѣроятно, потому, что, какъ писалъ князь Волконскій, «хотя тѣло и бальзамировано, но отъ сырого воздуха все почернѣло и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились».

Когда производилось освидѣтельство тѣла покойнаго императора, передъ прощаніемъ съ нимъ императорской фамиліи, священники и дежурные были удалены изъ церкви, причемъ у дверей были поставлены часовые. Въ церкви были лишь кн. Голицынъ, Орловъ-Денисовъ, лейбъ-медикъ Тарасовъ и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ.

Такая таинственность породила въ народѣ множество слуховъ, сущность которыхъ сводилась къ тому, что погребенъ не императоръ Александръ I, а кто-то другой, императоръ же скрылся и живъ. Существуетъ, напримѣръ, такой рассказъ:

Во время пребыванія своего въ Таганрогѣ императоръ Александръ Павловичъ, осматривая со своимъ лейбъ-медикомъ Вилліе военный лазаретъ, нашелъ тамъ умирающаго солдата, весьма схожаго лицомъ съ императоромъ. Этотъ солдатъ былъ доставленъ во дворецъ и выданъ за Александра Павловича, который удалился, какъ простой странникъ. Солдатъ этотъ по смерти былъ похороненъ, какъ императоръ. Вилліе же, какъ главный участникъ этой подмѣны, былъ награжденъ огромною суммою денегъ, на которую будто бы и была выстроена извѣстная клиника баронета Вилліе въ Петербургѣ.

Существуетъ еще одно сказаніе, съ тѣмъ же основнымъ мотивомъ, что не Александръ Благословенный погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Вотъ это сказаніе:

3-го ноября 1825 года, возвращаясь въ Таганрогъ изъ Крыма, Александръ Павловичъ встрѣтилъ ѣдущаго изъ Петербурга съ бумагами фельдъегеря Маскова. Принявъ бумаги, государь приказалъ Маскову ѣхать за нимъ. По неосторожности ямщика, Масковъ на какомъ-то крутомъ поворотѣ былъ выброшенъ изъ перекладной и, ударившись о камень, тутъ же скончался. Вотъ, будто бы, это-то самый Масковъ, нѣсколько похожий на Александра Павловича, и былъ погребенъ вмѣсто него. Недавно скончавшійся профессоръ химіи с.-петербургскаго технологическаго института А. А. Курбатовъ, приходившій по матери внукомъ фельдъегеря Маскова, передавалъ, что у нихъ въ семьѣ сложилось не то убѣжденіе, не то предположеніе, что, именно, Масковъ погребенъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости вмѣсто императора Александра I. При этомъ заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что, какъ извѣстно, семейству Маскова были оказаны необычайныя милости: ему пожаловано было по особому Высочайшему повелѣнію полное содержаніе, получавшееся имъ при жизни, нѣсколько разъ отпускались суммы на уплату долговъ, дѣти воспитывались на казенный счетъ въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пр.

А вотъ и еще одно обстоятельство, наводящее на размышленія:

Какъ извѣстно, императора Александра I въ его послѣднемъ путешествіи сопровождалъ, между прочимъ, и лейбъ-хирургъ Тарасовъ, который производилъ и бальзамированіе тѣла покойнаго государя.

Лейбъ-хирургъ Тарасовъ оставилъ послѣ себя значительный капиталъ и недвижимость. Такого капитала и недвижимости практикою, — особенно въ то время, когда трудъ врача оплачивался чрезвычайно скудно, — нажить было невозможно. Очевидно, это были награды свыше, которыя, по видимому, обильно сыпались на всѣхъ, составившихъ свиту императора Александра Павловича въ его послѣднемъ путешествіи на югъ...

Рассказываютъ нѣсколько случаевъ, когда лица, знавшія Александра Павловича, въ лицѣ таинственнаго сибирскаго отшельника узнавали покойнаго императора. Такъ, будто бы, въ старцѣ признали Александра Благословеннаго одинъ сосланный придворный служитель, священникъ станицы Бѣлоярской, о. Александровскій, служившій ранѣе военнымъ священникомъ въ Петербургѣ, и нѣкоторые другія лица.

Заслуживаетъ вниманія, что купецъ Хромовъ, въ домѣ котораго скончался Ѳеодоръ Козьмичъ, возилъ нѣкоторыя оставшіяся послѣ него вещи въ Петербургъ, представилъ ихъ ко Двору и получилъ Высочайшую благодарность.

По наружности старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ имѣлъ большое сходство съ императоромъ Александромъ I, въ чемъ можно убѣдиться, взглянувши на портретъ старца. Есть также указанія на то, что почеркъ Ѳеодора Козьмича весьма походилъ на почеркъ государя Александра Павловича.

Какъ могли старца, такъ и его келію въ д. Хромова посѣтили многія высокопоставленныя лица. Въ числѣ ихъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, проѣзжавшій черезъ Томскъ въ бытность свою наслѣдникомъ, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, министры и другія лица съ высокимъ положеніемъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

ОГОНЕКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой
въ Россіи:

На годъ 2 рубля.	На 3 мѣсяца . . . 55 коп.
На полгода . . . 1 рубль.	На 1 мѣсяцъ . . . 20 коп.

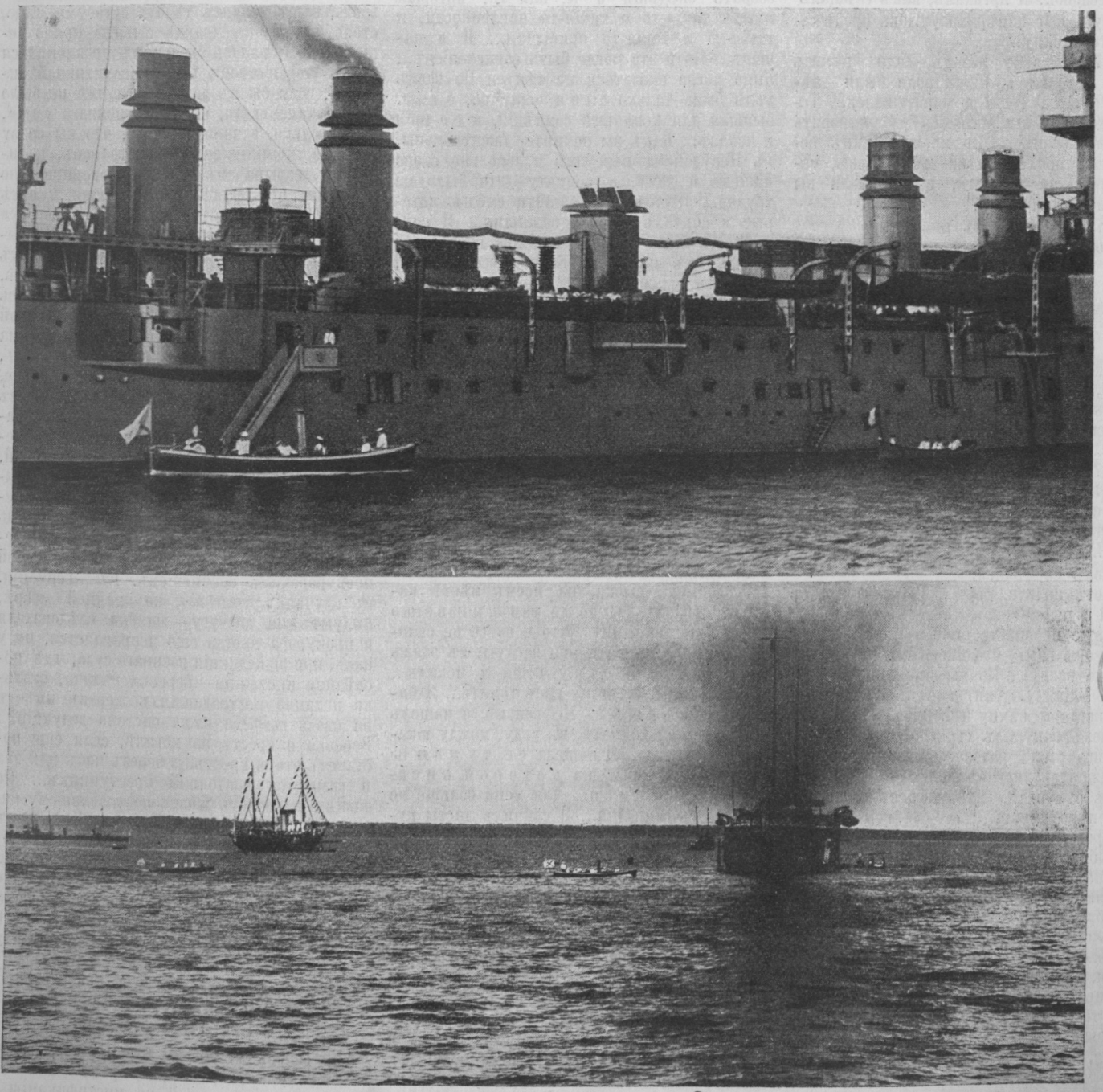
Отдѣльные номера: въ С.-Петербургѣ 5 коп.
въ Москвѣ въ провинціи 7 коп.

Главная Контора и Редакція:
С.-Петербургъ, Галерная, 40.

№ 30. Воскресенье, 27 июля 1908 г. Подписная цѣна на ежедн. газету „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ—второе изданіе“ съ журн. „ОГОНЕКЪ“ и „Библиотекю Знанія“—5 р. въ годъ, 2 р. 50 к. за 6 мѣс. и 1 р. 30 к. за 3 мѣс. съ перес. въ Россіи. Подписная цѣна на „ОГОНЕКЪ“ вмѣстѣ съ „БИБЛИОТЕКОЮ ЗНАНІЯ“—3 р. 50 к. въ годъ, 1 р. 75 к. за 6 мѣс. и 90 к. за 3 мѣс. съ перес. въ Россіи.

Франко-русскія торжества въ Ревелѣ.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ», В. К. Булга.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинградѣ

Французскій крейсеръ „Du Petit Thouars“, въ моментъ пребыванія на немъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и президента французской республики, Армана Фальера; внизу—отъездъ съ броненосца „Десаревичъ“ на Императорскую яхту „Штандартъ“, послѣ Высочайшаго осмотра.

Дѣло журнала „Огонекъ“ и Шерлока Холмса.

Кто авторъ?

пустя мѣсяць послѣ того, какъ въ редакцію явился маниакъ-англичанинъ, не только присвоившій себѣ имя Шерлока и сконспировавшій до мелочей его наружность, но и взявшій на себя защиту его профессиональной чести,—длинная, торжественная фигура въ черномъ снова появилась передъ нами.

— Какъ видите, джентльмены,—сказалъ онъ, поздоровавшись со всѣми,—я умѣю держать слово... Я прѣехалъ, какъ съобщалъ

И вдругъ высокомерная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Мѣсяць тому назадъ, если память вамъ не измѣняетъ, наши роли были нѣсколько иныя... Тогда я допытывался... Теперь, джентльмены, надѣюсь удовлетворить ваше любопытство... Но прежде одинъ вопросъ... Я прислалъ нѣсколько строкъ, написанныхъ на машинѣ, получили-ли вы этотъ клочекъ бумаги?

— Да, онъ былъ въ письмѣ!

— Позволю себѣ еще одинъ вопросъ: сдѣлали вы изъ этого какой-нибудь выводъ?

— Какой же выводъ,—спросилъ редакторъ, слегка отворачиваясь, чтобы скрыть улыбку, — вы писали о дедуктивномъ методѣ...

— О, сэръ!—Шерлокъ пристально посмотрѣлъ.—Каждый, конечно, можетъ держаться своего мнѣнія... Но...но, кромѣ словъ, скажите... вы ничего въ этой бумажкѣ не увидѣли?

— Нѣтъ, ничего!

— Ни-че-го?..

— Рѣшительно ничего!

— О...

Шерлокъ засмѣялся.

— Вотъ видите, сэръ... Вы говорите съ улыбкой о дедуктивномъ методѣ и въ то же время даже не знаете его азбуки... Такъ вотъ, говорю вамъ, что мною были присланы ключъ ко всему!.. Но вы его прогладѣли... Да, да... Ваши улыбки, джентльмены, исчезнутъ, когда я начну говорить.

Шерлокъ закурилъ свою трубку. Пуская дымъ, онъ сталъ рассказывать:

— Джентльмены! Мѣсяць тому назадъ я ушелъ отъ васъ, захвативъ съ собой рукописи и документы, которые вамъ угодно было предоставить въ мое распоряженіе... Вы улыбнулись, джентльмены, какъ и теперь, очевидно, недоумѣвая, на что могутъ мнѣ понадобиться мертвые, ничего не говорящія бумаги. Я общалъ тогда извѣщать вашихъ читателей о ходѣ поисковъ, и я это сдѣлалъ... Но нити, джентльмены, нити, которую я одинъ держалъ, той нити, по которой я шелъ, я не давалъ въ руки... Это касалось только меня... Теперь же, джентльмены, вы узнаете, что я отъ васъ скрывалъ, то, чѣмъ я руководствовался въ моихъ поискахъ... Въ Москвѣ, какъ вамъ извѣстно, я началъ съ розысковъ автора по переданной мнѣ телеграммѣ... О, не думайте, что я надѣялся на успѣхъ... Я хорошо понималъ, что тотъ, кто могъ скрыть себя отъ редак-

ціи, скроется и отъ телеграфнаго чиновника... Но, джентльмены, долготѣнный опытъ привелъ меня къ одному убѣжденію: самые опытные преступники не предусматриваютъ всего... Всегда найдется такая точка, за которую можно ухватиться, ибо если-бъ такой точки не было,—ни одно преступленіе никогда не было бы раскрыто...

Номеръ дома, фамилія въ подлинномъ телеграммѣ—все была ложь... только названіе переулка «Невѣдомый»—вы помните—оказалось случайно вѣрнымъ... Преступникъ могъ смѣло и переулка не называть... Не въ этомъ было дѣло... Какъ вамъ извѣстно, я даже не направился прямо въ этотъ переулокъ,—я поѣхалъ въ клубъ, гдѣ могъ собрать свѣдѣнія о Х. или Z., который имѣлъ такія-то и такія-то наклонности, и такія-то и такія-то привычки... И я нашелъ... Но и это могло быть совпаденіемъ... Липо могло оказаться не тѣмъ... Во всемъ дѣлѣ была только одна черточка, одна, бывшая для меня внѣ сомнѣнія, и е-е-то я и искалъ... Какъ вы помните, джентльмены, въ Невѣдомомъ переулкѣ я довольно скоро нашелъ и домъ, и комнату—это было не трудно... труднѣе было найти слѣды, которые я считалъ такими важными... И случайность была такова, что мнѣ посчастливилось ихъ найти... Если не ошибаюсь, джентльмены, я сообщалъ вамъ, что я взялъ съ собою въ Одессу нѣсколько найденныхъ бумажекъ. Но... и это еще было не все... Я поѣхалъ въ Одессу... По Одессѣ—приключенія мои вы знаете—я уже шелъ, зная имя, и, не скрою отъ васъ,—я не считалъ тамъ мою работу трудной... Но опять-таки могла обнаружиться одна вещь, которая смела бы всю мою постройку до основанія, такъ, что пришлось бы начинать сызнова... Въ Одессѣ я нашелъ тѣ же слѣды... Я поѣхалъ въ Нефтянскъ... Я поѣхалъ по обрывку конверта, но не думайте, джентльмены, что въ этомъ нужно видѣть какой-нибудь геніальный ходъ... Нѣтъ, нѣтъ... это простой ходъ ремесленника сыска, на моемъ мѣстѣ каждый сдѣлалъ бы то же самое, и изъ этого вы можете заключить, что я вовсе не склоненъ преувеличивать мои заслуги въ этомъ дѣлѣ... Одну, одну вещь я искалъ... Джентльмены, не стану васъ томить... Я нашелъ эту вещь въ Нефтянскѣ, я нашелъ е-е въ убогой комнатѣ, въ углу, между шкафомъ и окномъ... Я нашелъ е-е, т у м а ш и н у, джентльмены, на которой писалъ и съ рукописи... Для меня больше не оставалось сомнѣнія... Я сличилъ листы рукописи съ листами, найденными въ Москвѣ, въ Одессѣ... Наконецъ, джентльмены, я самъ, самъ писалъ на ней... О, дѣло не въ цвѣтѣ ленты или въ особенностяхъ системы... И лентъ, и системъ одинаковыхъ много... Джентльмены, я нашелъ машину, которая не давала рельефовъ въ двухъ буквахъ: «м» и «к». Да, да, джентльмены, и такая машина могла быть только одна, и только у автора... Теперь, джентльмены, вы можете быть, поймете, почему я послалъ вамъ пару строкъ, переписанныхъ на этой машинѣ... Я хотѣлъ, джентльмены, дать вамъ ключъ, я хотѣлъ, чтобы вы воочию видѣли, какъ ищетъ Шерлокъ Холмсъ... И въ строкахъ, мною написанныхъ, въ строкахъ, въ которыхъ не получились

эти роковыя буквы, я сказалъ мое послѣднее слово, послѣднее слово о методѣ, который я исповѣдую...

Шерлокъ перевелъ духъ.

— Теперь же, джентльмены, что касается автора, этого клеветника, который въ настоящую минуту...

Маниакъ запнулся вдругъ и не закончилъ.

Дружный, оглушительный смѣхъ раздался въ комнатѣ...

— Милостивый государь!—сказалъ редакторъ, съ трудомъ сохраняя серьезное выраженіе въ лицѣ.—Вашъ методъ отысканія мельчайшихъ слѣдовъ неподобенъ, ваши ходы прямо изумительны, ваша находчивость, вашъ талантъ дѣлать остроумнѣйшіе, столь близкіе къ правдѣ выводы прямо геніальны! Пришлось бы и тутъ преклониться передъ торжествомъ вашей дедуктивной системы, если бы въ данномъ случаѣ не было одного маленькаго, но существеннаго «н о», — настолько, однако, вѣскаго, что вы сразу поймете причину оскорбившаго васъ, повидимому, взрыва смѣха моихъ товарищей по редакціи... Въ рукописи смутившихъ васъ рассказовъ, дѣйствительно, буквы «м» и «к» не ясно оттиснуты, но, тѣмъ не менѣе, интересующая насъ рукопись не отпечатана, какъ вы съ торжествомъ заявляли, на машинкѣ, найденной вами въ Нефтянскѣ. Рукопись отпечатана здѣсь, въ Петербургѣ, въ этой же квартирѣ... Да, тутъ передъ вами и сама машина... Взгляните на машинный столикъ, направо. Проверьте машину: вы увидите, что и она случайно не даетъ рельефовъ буквъ «м» и «к»... Сколько горя, несчастья, разочарованій принесла уже эта пресловутая дедуктивная система! Сколько преступленій, во имя правосудія, совершено слѣдственной властью, сколько головъ пало невинно подъ рукою палача въ Германіи, Франціи, Англіи, во славу системы дедукціи, такъ торжественно расхваливаемой прокурорскимъ обвиненіемъ. Въ Германіи, въ случаяхъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, милуютъ на картюгу—ошибка слѣдователя и прокурора иногда еще исправляется, но у насъ, при юрисдикціи военнаго суда, гдѣ послѣдняя инстанція—веревка палача, сколько невинно пострадавшихъ жертвъ имѣетъ на своей совѣсти ваша система дедукціи?.. Веревка и крестъ на могилѣ, если еще поставятъ этотъ крестъ, а черезъ часъ или два и сознается настоящій преступникъ... Но развѣ это вернетъ жизнь пострадавшему невинно?!.. Вы искали автора въ Москвѣ, въ Одессѣ, въ Нефтянскѣ, вы сдѣлали остроумнѣйшія комбинаціи, торжественно привезли даже мнимое орудіе преступленія. Вы еще нѣсколько минутъ тому назадъ готовы были поклясться въ тождественности автора съ высѣженнымъ вами лицомъ. А, между тѣмъ, авторъ здѣсь же передъ вами. Вы легко его можете угадать среди присутствующихъ...

Редакторъ слегка приподнялся.

— Теперь же прошу извиненія за всю эту шутку... Но редакция вправдѣ была отвѣтить мистификаціей на мистификацію... Шерлокиада, правда, набилъ уже окомину и, какъ вы сами убѣдились въ концѣ-концовъ, пресловутый методъ—та же палка о

двух концах... По вредъ, которой епъ принесъ, неизмѣримо глубже интереса, который онъ могъ возбудить... Да... Онъ развратилъ все, къ чему прикоснулся... Онъ развратилъ дѣтей, изъ области невинныхъ дѣтскихъ грезъ перенесъ ихъ мысли и сосредоточилъ на самомъ возмутительномъ и растлѣвающимъ дѣтскую душу: на сыскѣ, на подглядываніи и выслѣживаніи... И вмѣсто симпатичныхъ маленькихъ Робинзоновъ, — мы имѣемъ маленькихъ Шерлоковъ, Пинкертоновъ, Картеровъ... Но не только дѣтей: — онъ развратилъ юношей, которые основываютъ общества во имя не существовавшихъ героевъ и ради сомнительной славы ищѣйки бросаютъ науку... И не только дѣтей и юношей: онъ развратилъ и взрослыхъ, что опаснѣе всего, ибо, чтобы взрослый заразился микробомъ Шерлокиады, прежде всего нужно, чтобы онъ... какъ мы это явно видимъ... сшелъ съ ума.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Кончая серію походовъ Шерлока Холмса, редакция «Огонька» находитъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ тѣмъ изъ читателей, которымъ намѣренія ея еще не сдѣлались ясны.

Блестящій повѣствовательный талантъ Конанъ-Дойля, съ одной стороны, грубость литературныхъ вкусовъ и слонность толпы къ дешевымъ эффектамъ — съ другой, создали колоссальный успѣхъ рассказамъ англійскаго автора о никогда не существовавшихъ сыщикѣ — Шерлокѣ Холмсѣ.

Какъ всегда это бываетъ, спросъ породилъ предложеніе. На литературномъ рынкѣ въ обилии появились поддѣлки «подъ Шерлока Холмса», рассчитанныя на самую неприхотливую читательскую массу и несравненно менѣе остроумныя, нежели ихъ первообразъ.

Дальше — хуже. Учащееся юношество съ жадностью набросилось на модное чтеніе, и вотъ нѣжнымъ душамъ дѣтей были привиты отвратительныя инстинкты сыска. Сыщикъ сталъ героемъ. Мальчишки, которые не такъ давно, сообразно роду господствовавшей тогда литературы, бредили желаніемъ стать рыцарями на подобіе Вальтеръ-Скоттовскихъ, моряками — по примѣру дѣйствующихъ лицъ Купера или искателями приключеній вродѣ Майнъ-Ридовскихъ, возмечтали о «лаврахъ» агентствъ сыскаго полиціи.

Со всѣхъ сторонъ доходятъ сообщенія о томъ, что, то тамъ, то здѣсь гимназисты предлагаютъ свои услуги сысканымъ отдѣленіямъ, что они стали заниматься сыскомъ надъ товарищами, преподавательскимъ персоналомъ, даже родителями...

Таково зло, ясно теперь опредѣлившееся и требующее настойчивой борьбы съ нимъ.

Но какъ можно вести эту борьбу?

Естественно, одними лишь мѣрами духовнаго воздѣйствія, способами просвѣдательне-оздоровительнаго свойства. Съ печатью, даже съ такою гнилою, какъ вся Шерлоковская «литература», нельзя бороться полицейскими мѣрами. Болѣе того: всякій административный запретъ придастъ сыскаческой литературѣ отѣнокъ того запретнаго плода, который становится тѣмъ болѣе соблазнительнымъ, чѣмъ съ большими опасеніями приходится добывать его.

Мы убѣждены, что единственно вѣрнымъ орудіемъ для борьбы съ детективными романами и рассказами является сатира, — высмѣиваніе ихъ, тѣмъ болѣе безпощадное, чѣмъ тоньше оно дѣлается. Было время, когда интересъ къ вреднымъ, распалывшимъ фантазію рассказамъ о чудовищныхъ приключеніяхъ рыцарей былъ совершенно убитъ гениальною сатирою, — рыцарскимъ же романомъ Сервантеса — «Донъ-Кихотъ».

На нашихъ почти глазахъ романтизмъ

былъ нанесенъ смертельный ударъ поэтомъ, котораго романтики хотѣли признать «своимъ», — Генрихомъ Гейне.

Своей задачей мы поставили, заимствуя внѣшность Шерлоковской «литературы», показать, что отъ воли автора зависить, строго слѣдуя знаменитому методу, — заставить героя никогда не ошибаться, или же обратно — дѣлать глупости одна за другой. Какъ только ореолъ изобрѣтательности и находчивости будетъ снятъ съ Холмсовъ, Пинкертоновъ и другихъ сыщиковъ, такъ точно же они будутъ развѣнчаны въ сознаніи мало-мальски чуткихъ читателей. А это развѣнчаніе представляется существен-

но необходимымъ, чтобы съ пути болѣзненнаго увлеченія сыскомъ юношество по-прежнему устремилось въ сторону бодрыхъ, положительныхъ идеаловъ.

Неисправимые любители приключеній сыщиковъ пусть не сѣтуютъ на насъ за маленькую мистификацію, къ которой мы прибѣгли. Въ данномъ случаѣ средства положительно не нуждаются въ томъ, чтобы ихъ оправдывала цѣль, ибо сами эти средства, какъ всякій родъ общественной сатиры, представляются не менѣе благородными, чѣмъ и наша основная цѣль.

С. М. Проннеръ.

ПРОВОДНИКЪ.

Рассказъ Жана Маделина.

Городъ быстро закутался въ пелену тумана, подобнаго которому еще никогда не бывало.

Все потонуло въ сырой, молочно-сѣрой мглѣ.

Разсказываютъ, будто нѣкоторые города Бретани погрузились въ море. Я довольно живо представляю себѣ ихъ участь, потому что насъ постигло чуть-ли не худшее несчастье.

Нашъ городъ Реннъ погрузился въ туманъ, въ туманъ, столь густой и плотный, что онъ сталъ почти осязаемымъ.

Это произошло часа въ три дня, когда большая часть жителей находилась внѣ своихъ квартиръ. Обыватели Ренна разбрелись по городу — по дѣламъ, съ визитами, за покупками.

Представьте себѣ ихъ смятеніе!

Почти мгновенно стемнѣло. Наступила сырая, безоблачная ночь.

Мои лошади встали на дыбы, затѣмъ, сдержанныя сильными руками кучера, остановилась въ ужасѣ, раздувая ноздри. Выѣздной лакей поѣжалъ за фонаремъ.

Со всѣхъ сторонъ доносились крики о помощи и шумъ бѣгущихъ. Люди спѣшили добраться до дому, но не могли различить дороги. Они натыкались на стѣны, сталкивались между собою, обмѣнивались гнѣвными словами.

Нѣкоторые жители въ теченіе нѣсколькихъ часовъ кружились по площади городской ратуши, не находя выхода изъ нея. Нѣсколько человекъ упало въ каналъ и потонуло. Такимъ образомъ погибъ злополучный совѣтникъ Персенъ.

Разсказываютъ, что въ моментъ перваго оцѣпенѣнія и замѣшательства г-жа де-Люсенэ, гулявшая пѣшкомъ, потеряла одинъ изъ своихъ легкихъ башмачковъ. Она никакъ не могла отыскать башмачекъ и принуждена была принять обувь отъ своего спутника, капитана де-Бонзакъ, который тутъ же разулся съ самою любезною готовностью.

Г-жа де-Люсенэ вернулась въ свой домъ съ мужскимъ сапогомъ на одной ногѣ. Этотъ забавный случай остался единичнымъ въ исторіи злополучнаго и страннаго дня.

Послѣ перепуга застигнутыми туманомъ овладѣло мрачное уныніе. Многіе изъ нихъ, избравшіе благую часть и выказавшіе мудрую покорность судьбѣ, отказались отъ дальнѣйшихъ попытокъ разыскать дорогу.

Уставъ скитаться впотѣмахъ и подвергаться тысячамъ опасностей, они застыли на мѣстѣ, гдѣ ихъ и застала катастрофа.

Улицы и площади Ренна испещрились многочисленными статуями. Но большая

часть живыхъ изваяній не хранила безмолвія, приличествующаго скульптурѣ. Многіе горько плакались на свою участь.

Женскіе голоса пророчили свѣтопреставленіе. Эти стенанія, теперь возбуждающія во мнѣ смѣхъ, тогда настраивали душу на самый мрачный ладъ.

Одни только карманники сохранили присутствіе духа. Они воспользовались общимъ смятеніемъ, чтобы стащить изрядное количество кошелевковъ. Я знаю нѣсколькихъ человекъ, которыхъ обчистили артистически. Такимъ образомъ еще разъ оправдалось мнѣніе г. де-Монтэня, полагающаго, что несчастье никогда не можетъ быть всеобщимъ.

Время шло, а городъ все оставался въ своемъ безпомощномъ положеніи. Разстроеныя поневолѣ много любовныхъ свиданій. Г-жа де-Лануэ впервые не посѣтила поплудни своего любовника.

Г. делегатъ муниципалитета исполнилъ свой долгъ. Онъ предписалъ зажечь уличные фонари. Но эта похвальная предусмотрительность не помогла намъ въ несчастьи, такъ какъ люди, которымъ поручили осуществить предписаніе, не могли выполнить своей задачи.

Тогда г. делегатъ приказалъ обходить улицы съ зажженными масляными лампочками. Но огни ихъ казались дымными, багрянными пятнами, не распространяя вокругъ никакого свѣта.

Я уже упомянула, что лошади мои остановились.

Я вышла изъ экипажа, полагая, что пѣшкомъ легче выберусь изъ сутолоки. Это оказалось невозможнымъ. Тогда я захотѣла вернуться въ экипажъ и стала звать своихъ людей. Но негодяи бросили меня. Я примирилась съ необходимостью ждать среди влажнаго, сырого мрака, посреди толпы перепуганныхъ мѣщанъ. Я пожалѣла въ душѣ о мягкихъ подушкахъ моей коляски.

Не знаю, сколько времени пробыла я тамъ, дрожа отъ озноба. Быть можетъ, нѣсколько часовъ. Мои невидимые сосѣди продолжали испускать вопли. Наконецъ, и мое мужество дрогнуло. И, присоединивъ мой голосъ къ ихъ стенаніямъ, я стала громко провозглашать святое имя Дѣвы Маріи.

Тогда-то произошло со мной чудесное приключеніе.

Какой-то человекъ приблизился ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ! Это вы, графиня?

— Увы! — отвѣтила ему я... — Но, какъ

удалось вамъ узнать меня среди этого ужаснаго тумана?

Я не сомнѣвалась, что возлѣ меня — кто-

либо из моих приближенных, узнавший меня по звуку моего голоса. Но я не могла припомнить, кому принадлежит окликнувший меня голос.

— Если вы позволите, графиня,— продолжал незнакомец,— я провожу вас в ваш отель.

Я остолбенела от изумления.

— Что вы говорите,— воскликнула я,— как можете вы найти дорогу среди этого адского мрака?.. Вы, должно быть, самъ сатана?..

Незнакомец чуть слышно засмѣялся.

— Графиня, вы можете быть совершенно спокойны! Я берусь проводить вас до двери вашего дома.

Я колебалась не долго. У меня не хватило отваги отказаться отъ этого чудеснаго предложенія и остаться долѣе въ безпомощномъ положеніи. Я дрожала съ головы до ногъ и чувствовала, что меня уже лихорадитъ.

— Ну, что-жъ,— отвѣтила я,— если вы и чортъ,— быть можетъ, вы все-таки принадлежите къ числу благовоспитанныхъ бѣсовъ... Мои негодные слуги бросили меня... Я доверяюсь вамъ.

Онъ взялъ меня за руку, и мы пошли.

Мы шли быстро, не колеблясь, увѣреннымъ шагомъ. Ни разу не натолкнулись мы ни на стѣну, ни на какія-либо препятствія. Вокругъ насъ по-прежнему раздавались крики заблудившихся.

Но мы подвигались впередъ, точно при яркихъ лучахъ полуденнаго солнца.

Мой проводникъ велъ меня осторожно и увѣренно. Онъ пояснялъ кратко и просто:

— Сюда графиня... повернемъ налѣво.

Я начала вѣрить въ колдовство.

На одномъ мѣстѣ я прошептала:

— Гдѣ же мы, великій Боже?

Мой проводникъ отвѣтилъ:

— Посреди Новаго моста.

Я воскликнула:

— Но вы, значитъ, видите?

Мой спутникъ чуть усмѣхнулся, а я повольно содрогнулась.

Мнѣ не стыдно сознаться, что этотъ таинственный проводникъ, взоры котораго пронизали густую мглу тумана,—который видѣлъ въ то время, когда всѣ остальные люди были погружены въ безпросвѣтлый сумракъ—поразилъ мою душу суетвѣрнымъ ужасомъ.

Я еще больше перепугалась, когда онъ сказалъ мнѣ:

— Я узналъ объ этомъ туманѣ изъ жалобныхъ стенаній народа... Неужели онъ такъ густъ, что мѣшасть идти?

Я изумилась.

— Какъ! Вы не замѣчаете тумана?

Онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Нѣтъ, сударыня.

Я чуть не упала отъ удивленія. Кто же онъ, этотъ человекъ, который находится в ъ т у м а н а? Какимъ чудеснымъ покровомъ окутанъ онъ?

Мы подвигались дальше. Отъ волненія я лишилась голоса. Я не на шутку повѣрила, что нахожусь во власти нечистой силы, которая увлекаетъ меня въ преисподнюю. И не ощущала въ себѣ охоты сопротивляться. У меня не было больше ни силъ, ни даже воли.

Я предоставляла увлекать себя, поручая душу Всемогущему Богу.

Я уже была близка къ потерѣ сознанія, когда мой демонъ сказалъ мнѣ самымъ почтительнѣйшимъ тономъ:

— Графиня, вы—дома... Вотъ фасадъ вашего отеля.

Я тотчасъ же пришла въ себя, увидѣвъ знакомые огни своего дома. Въ то же время я услышала за воротами взвизгиванье одной изъ моихъ служанокъ, воспользовавшейся туманомъ для свиданія съ фореиторомъ.

Испугъ мой разсѣялся, но я была изумлена ничуть не меньше прежняго.

Я сказала моему необыкновенному проводнику:

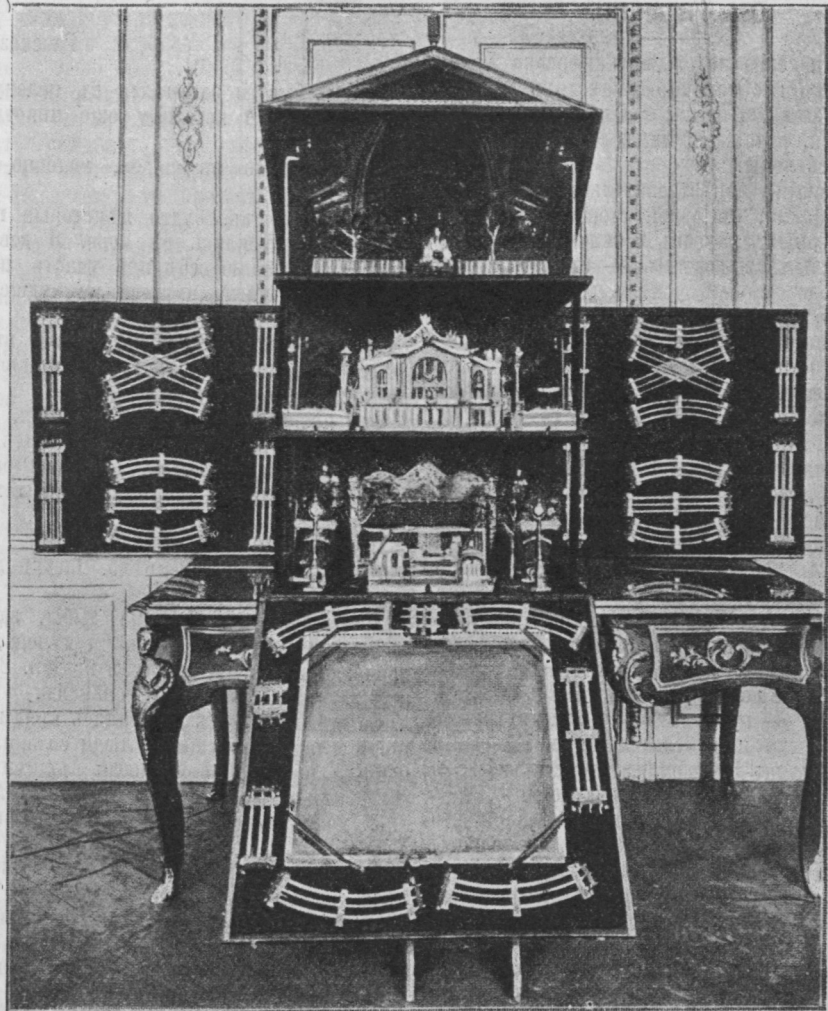
— Господи! незнакомецъ, приношу вамъ тысячу благодарностей. Но, скажите, ради всего святаго, кто же вы такой?

Онъ отвѣтилъ мнѣ:

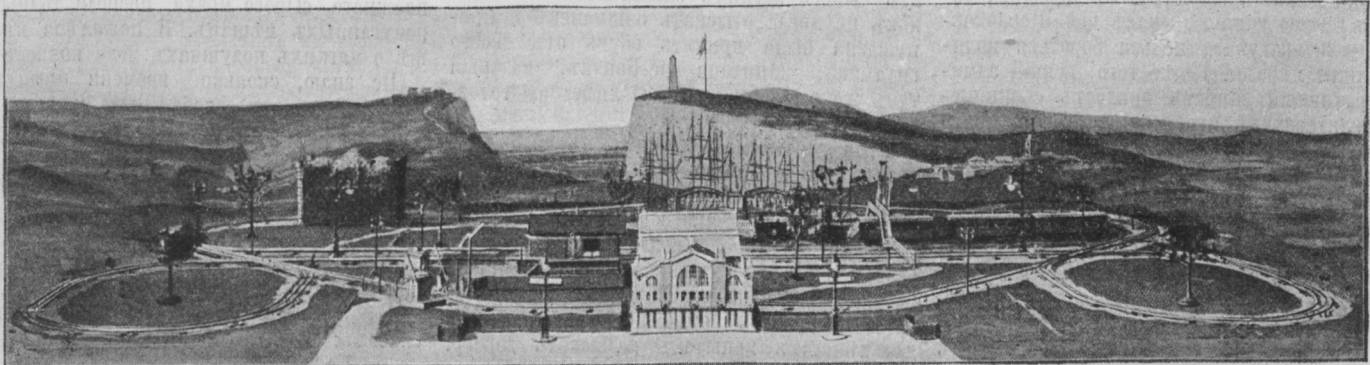
— Я — Сесаръ Жераръ, слѣпой.

Къ пребыванію президента Французской республики, Армана Фальера, въ Россіи.

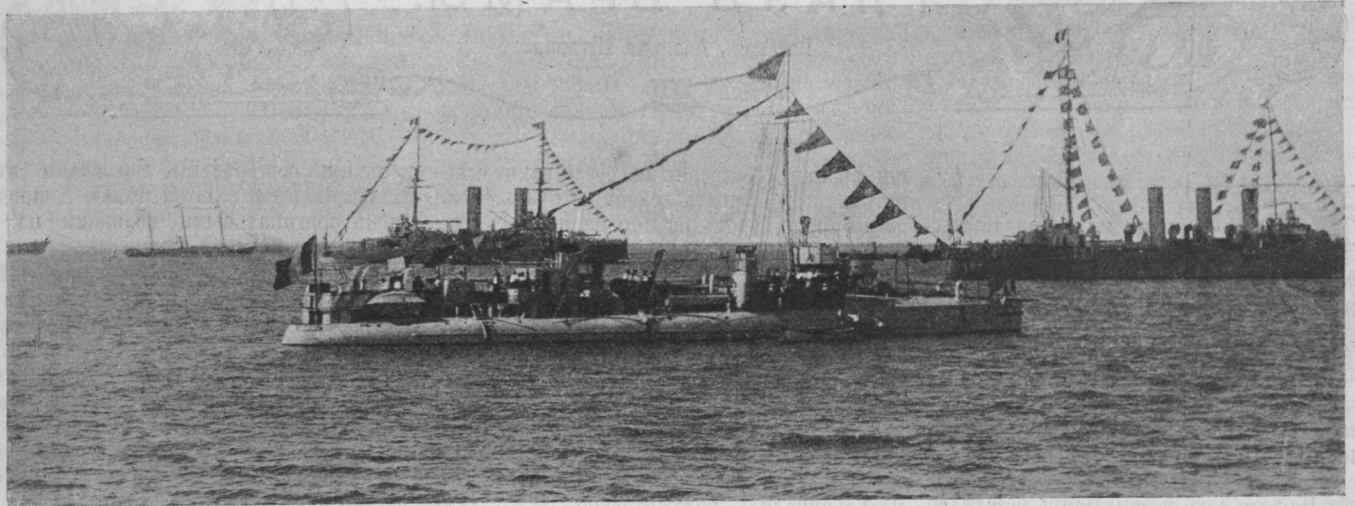
Игрушечная желѣзная дорога, сложенная въ футляръ.

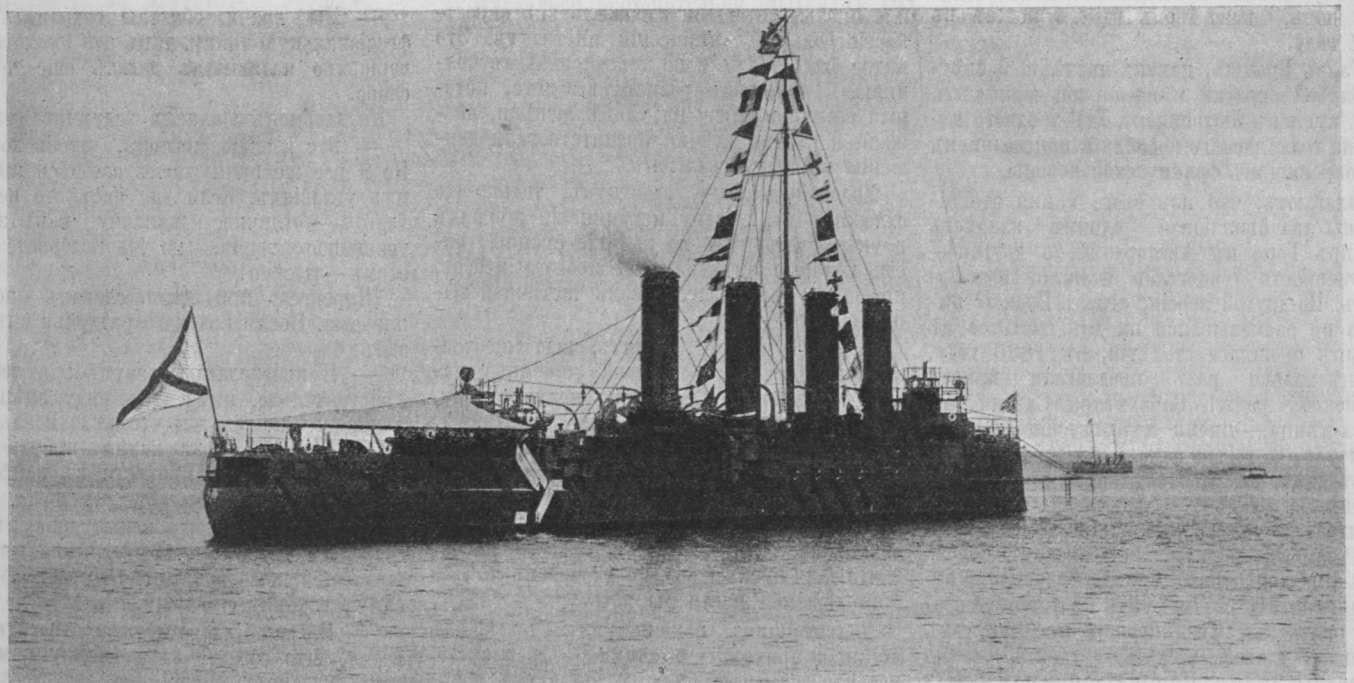
Игрушечная электрическая желѣзная дорога, поднесенная президентомъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу.

Франко-русскія торжества въ Ревелѣ.

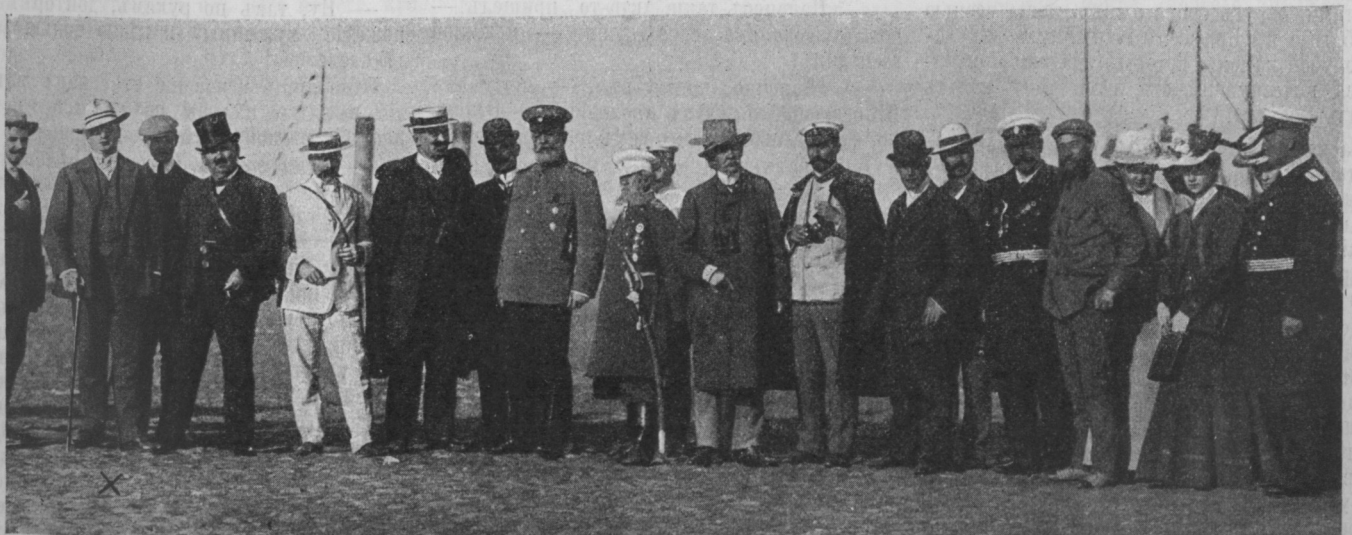
Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ», В. К. Булга.

Французская миноноска подъ литерой „Л“, сопровождавшая президента французской республики.

Новое русское боевое судно, крейсеръ 1-го ранга „Адмиралъ Макаровъ“, на ревельскомъ рейдѣ.

Корреспонденты русской и иностранной прессы на ревельскомъ рейдѣ.

ГЛАЗЬ БРАМЫ.

Разказъ Адольфа Штарка.

Знаменитые бриллианты, выдающиеся по своей величине и красоте, имеют свою историю, как и знаменитые люди. Теперь ко всем этим знаменитым камням добавился еще новый, первый по величине, который южно-африканские колонии поднесли в дар английскому королю Эдуарду VII и который находится ныне в шлифовке. Но зато другой бриллиант безслѣдно пропал, так как о местонахождении найденного нѣкогда в Бразилии «глаза Браммы» ничего уж больше не было известно съ тѣхъ поръ, какъ онъ вдругъ исчезъ въ 1792 году.

«Глазъ Браммы», камень чистѣйшей свѣтло-голубой окраски и идеальной шлифовки, былъ купленъ Людовикомъ XIV у одного капитана голландскаго корабля и присоединенъ къ сокровищамъ французской короны.

Полагаютъ, что изъ этого камня отшлифованы два бриллианта: однимъ владѣетъ банкиръ Гоппе въ Амстердамѣ, а другой—собственность герцогской фамилии Кумберлендъ. По другой версiи, «глазъ Браммы» никогда не раскалывался на двѣ части, а въ срединѣ прошлаго столѣтiя, въ 1850 году, его нѣсколько разъ предлагали купить индiйскому раджѣ Сарахматра Садани два брата-нѣмца,—имени ихъ исторiя не упоминаетъ,—которые нашли его въ крестьянскомъ домѣ, въ Эльзасѣ, и приобрѣли за незначительную цѣну. Сарахматра, какъ рассказываютъ далѣе, заманилъ братьевъ въ свой замокъ на Коромандельскомъ берегу Остъ-Индiи и отнялъ бриллиантъ силой, велѣвъ схватить и заключить въ темницу обоихъ братьевъ. Года прошли прежде, чѣмъ нѣмцамъ удалось бѣжать, оставивъ камень въ рукахъ раджи. Но о нихъ никогда ничего больше не было слышно.

Этотъ слухъ, извѣстный только въ кругу собирателей рѣдкостей, да торговцевъ бриллиантами, вдругъ снова ожилъ, когда осенью 1905 года въ Брюсселѣ вынырнулъ откуда-то голубой камень, который знатоки признали за исчезнувшiй сто лѣтъ тому назадъ «глазъ Браммы».

Насколько второй слухъ о таинственномъ местопребыванiи знаменитаго драгоцѣннаго камня за этотъ періодъ соответствуетъ истинѣ, показываетъ слѣдующая исторiя, фактическія данныя которой стали извѣстны благодаря молодому доктору, съ именемъ котораго и связано начало исторiи.

Докторъ Виллибальдъ Шпренгель, молодой врачъ, поселился въ предмѣстiи. Онъ точно вычислилъ, что съ остаткомъ своихъ средствъ можетъ просуществовать еще ровно два года. Если дѣла у него не поправятся, то онъ черезъ эти два года долженъ будетъ снова принять мѣсто ассистента въ какой-нибудь больницѣ. Этого онъ серьезно боялся—боялся тѣмъ болѣе, что тогда его невѣста также будетъ для него потеряна. Вѣдь, отецъ Кэти, къ сожалѣнiю, такъ не современно думающiй, далъ свое согласіе на обрученіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, что Виллибальдъ черезъ два года будетъ въ состоя-

ніи своими собственными средствами основать и поддерживать семейный очагъ. Если же этого не будетъ по истеченiи означеннаго срока, то парочка будетъ безжалостно разлучена.

И вотъ, Виллибальдъ Шпренгель выѣхалъ въ предмѣстiе, такъ какъ тамъ онъ еще надѣялся на осуществленіе своихъ плановъ. Пять дней тому назадъ онъ началъ свою «дѣятельность».

Былъ понедѣльникъ, настоящiй понедѣльникъ, какъ онъ себѣ говорилъ съ веселостiю повѣшеннаго, такъ какъ «по-недѣльничали» положительно все, даже больные! Вообще, здѣсь за городомъ вѣять, должно быть, особенно подлый, здоровый воздухъ, несмотря на угольный дымъ фабрикъ и ароматы, которыми заражаютъ все окрестности большой химической институтъ. Это видно было также и по неисчислимымъ полчищамъ дѣтишекъ разнаго возраста, которыя возились внизу на улицѣ, ревели, визжали и своими играми препятствовали движенію мирныхъ гражданъ.

Молодой докторъ, вздохнувъ, только-что отложилъ въ сторону медицинскiй журналъ и уныло взглянулъ на высокіе стѣнные часы, которые онъ, какъ и прочую мебель, приобрѣлъ съ обязательствомъ частичной выплаты.

Всего 10 часовъ! Значитъ, надо еще терпѣть цѣдыхъ полчаса, пока «пріемные часы» пройдутъ. Онъ закурилъ новую сигару, взялъ адресную книгу и сталъ дѣлать вычисленія вѣроятности. Толстый фоліантъ насчитывалъ 4,385 человекъ населенія въ предмѣстiи. Это число онъ старательно написалъ на листкѣ своей рецептной книжки, раздѣлилъ его на 365 и нашелъ, что на каждый день приходилось по 12 человекъ. Изъ этой дюжины могли бы хотѣть...

Дальнѣйшимъ комбинаціямъ помѣшалъ шумный приходъ его «камеръ-фрейлины», которая со своимъ бѣлымъ чепчикомъ и съдыми волосами, безъ сомнѣнiя, произвела бы самое благоприятное впечатлѣніе на всякаго пациента... если бы таковой явился.

— Наконецъ-таки, кто-то пришелъ!—воскликнула она, едва дыша, — пожилой господинъ!

— «Конечно, кредиторъ», — подумалъ Шпренгель, но вслухъ промовлялъ:—Отлично, фрау Книфке! Я его самъ попрошу войти.

Виллибальдъ Шпренгель поднялся.

— «Можетъ быть, это все-таки пациентъ?»—размышлялъ онъ съ простительнымъ оптимизмомъ.

Онъ открылъ дверь въ пріемную и вошелъ. Со стула поднялся просто одѣтый, совершенно незнакомый ему человекъ, съ сильно обвѣтреннымъ лицомъ и парой пронзительныхъ глазъ, которые испытующе встрѣтили приходъ молодого доктора.

— Пожалуйста, войдите, — сказалъ Шпренгель любезно, стараясь не дать замѣтить, что его сердце начало радостно биться.

II.

Врывающіеся въ окно лучи солнца освѣщали загорѣлое, безбородое лицо незнакомца, на видъ лѣтъ пятидесяти, и отражались ма-

ленькими серебряными сережками въ его ушахъ, толстой золотой цѣпью и широкими, очень оригинальными кольцами на пальцахъ его сухощавой руки.

— Господинъ докторъ!—началъ незнакомецъ немного ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ.—Прежде, чѣмъ объяснить вамъ цѣль моего прихода, я долженъ попросить васъ дать мнѣ честное слово въ полнѣйшемъ молчанiи относительно всего того, о чемъ мы будемъ съ вами говорить. Пока я могу вамъ сказать только, что я хочу воспользоваться вашей помощью, какъ врача, и что это принесетъ вамъ изрядную сумму денегъ.

Молодой докторъ смутился. Такое предисловіе было очень странно. Но быстро овладѣвъ собой, онъ возразилъ:

— Мы, врачи, обязаны сохранять профессиональную тайну, такъ что является совершенно излишнимъ давать еще честное слово.

Незнакомецъ покачалъ задумчиво головой.

— Это я знаю, докторъ, очень хорошо! Но я все же принужденъ остаться при моихъ условіяхъ. Если для васъ это не подходитъ,—отлично, я заплачу вамъ за потраченное время, но вы теряете при этомъ—тысячи!

Шпренгель при этихъ словахъ пожалъ плечами. Послѣ краткаго раздумья онъ сказалъ:

— Я предполагаю, разумѣется, что вы, дѣйствительно, имѣете въ виду лишь мою врачебную помощь, и что дѣло идетъ не о такой вещи, которая какимъ-нибудь образомъ можетъ меня привести къ конфликту съ законами.

Незнакомецъ снова испытующе посмотрѣлъ на свѣжее, открытое лицо молодого доктора, и, казалось, хотѣлъ проникнуть въ самую глубину его души.

— Но ваше слово должно относиться ко всему, что сегодня здѣсь между нами будетъ сказано? — спросилъ онъ затѣмъ съ удареніемъ.

— Конечно, ко всему.

Незнакомецъ медленно протянулъ руку.

— Ну, такъ по рукамъ, докторъ! Рукопожатіе мужчины я цѣню больше, чѣмъ данное слово!

Одно лишь мгновеніе эти, какъ изъ стали, вылитые пальцы находились въ выхоленной, мягкой рукѣ молодого врача.

— Меня зовутъ Генрихъ Габлеръ, — началъ незнакомецъ,—я родился въ Саксонiи, но съ двадцатилѣтняго возраста находился постоянно за границей и мою старую отчизну видѣлъ за этотъ періодъ лишь два раза и на короткое время. Ремесло моряка бросало меня по всему свѣту. Но я пытался приниматься и за другія занятія. Когда вѣспыхнула золотая горячка въ Клондайкѣ, я былъ однимъ изъ первыхъ, которые потеряли въ сѣверныхъ дебряхъ все свои сбереженія въ рукахъ безсовѣстныхъ торгашей и были послѣ этого рады спасти, по крайней мѣрѣ, хоть немного здоровья изъ этой ледяной пустыни. Въ южной Африкѣ я владѣлъ многіе годы фермой, удачно продалъ ее и сдѣлался собственникомъ барки, на которой велъ торговлю въ водахъ Индiи. Этихъ данныхъ о моей особѣ вамъ должно быть достаточно, господинъ докторъ! Мелочами вы едва-ли будете

интересоваться, такъ какъ мои фантастическія блужданія не стоятъ ни въ какой связи съ нашимъ дѣломъ.

— О, конечно! Продолжайте, пожалуйста!

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ одномъ большомъ городѣ средней Индіи, я проглотилъ случайнымъ образомъ большой кристаллъ горнаго хрусталя, который остался въ моемъ желудкѣ и не давалъ себя удалить никакимъ образомъ. Конечно, я пошелъ сейчасъ же въ клинику и заставилъ себя точно изслѣдовать. Врачи мнѣ сказали, что камень, вѣроятно, лежитъ въ лѣвой сторонѣ желудка, и можно предполагать, что онъ едва-ли будетъ меня стѣснять. Разумѣется, мнѣ тогда же предложили сдѣлать операцію. Но такъ какъ я въ то время какъ разъ имѣлъ въ виду совершить важную поездку, то я долженъ былъ отложить операцію. Съ тѣхъ поръ прошли года, и я все еще ношу въ себѣ этотъ кристаллъ. Въ послѣднее время онъ причиняетъ мнѣ безпокойство, и я часто страдаю желудочными болями. Вотъ, отъ этого-то давнишняго спутника, теперь весьма неприятнаго, вы и должны меня освободить, господинъ докторъ, оперативнымъ путемъ.

Молодой врачъ внимательно слушалъ.

— Но, почему же вы не обратитесь въ такомъ случаѣ къ хирургу?—спросилъ онъ удивленно. — Я едва-ли смогу произвести подобную операцію здѣсь, на дому, — во всякомъ случаѣ, я не обойдусь безъ помощи специалиста. Кромѣ того — чтобы быть вполне откровеннымъ — вамъ обойдется гораздо дешевле, если вы произведете себѣ операцію въ клиникѣ.

Незнакомецъ усмѣхнулся.

— Я понимаю ваше удивленіе, — сказалъ онъ задумчиво, — но, видите-ли, у меня нѣтъ никакого довѣрія къ этимъ «массовымъ производствамъ» нашихъ больницъ. Кромѣ того, мои средства позволяютъ мнѣ съ легкостью взять на себя всѣ издержки, которыя, какъ я самъ хорошо понимаю, будутъ не малы, такъ какъ я хотѣлъ бы весь курсъ лѣченія послѣ операціи пройти у васъ же, здѣсь, а для этого понадобятся, конечно, различныя приспособленія.

Шпренгелю дѣло казалось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Прежде, чѣмъ отвѣчать, онъ обдумалъ еще разъ весь рассказъ незнакомца. Безъ сомнѣнія, тамъ было кое-что не совсѣмъ ясно. Притомъ же всѣ факты могутъ быть также и просто вымышленными. Съ другой стороны, на какомъ основаніи онъ могъ бы отклонить предложеніе этого чудака? Человѣкъ не требуетъ отъ него ничего, кромѣ врачебной помощи, и обратился какъ разъ къ нему, надѣясь на болѣе внимательный уходъ со стороны мало занятаго врача. Поэтому онъ отвѣчалъ:

— Я принимаю ваше предложеніе, господинъ Габлеръ. Одинъ мой знакомый служить главнымъ ассистентомъ въ хирургической клиникѣ. Я привлеку его къ нашему дѣлу. При теперешнемъ состояніи оперативнаго искусства удаленіе изъ желудка посторонняго тѣла не принадлежитъ къ особенно труднымъ задачамъ. Но осложненія, во всякомъ случаѣ, возможны. При соблюденіи всѣхъ предосторожностей, я думаю, что могу вамъ ручаться за благополучный исходъ операціи.

Незнакомецъ, удовлетворенный, кивнулъ головой. Энергія молодого врача, казалось, ему нравилась.

— Благодарю васъ, докторъ! Я радъ, что мы пришли къ соглашенію. Но, конечно, я долженъ васъ просить обязать также и вашего друга — второго врача, подѣлить же условіями, къ молчанію. Также вашу хозяйку можно будетъ посвятить лишь въ

самое необходимое. Само собой разумѣется, я и ее щедро вознагражу. Для этого всего у меня есть извѣстныя основанія, о которыхъ я долженъ умолчать. Я хотѣлъ бы, чтобы возможно малый кругъ лицъ зналъ о моей операціи.

Шпренгель спова пожалъ плечами. Что могло дать незнакомцу поводъ такъ усиленно настаивать на сохраненіи тайны операціи? Генрихъ Габлеръ, казалось, прочелъ его мысли. Онъ вытащилъ бумажникъ и взялъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, которые сосчиталъ на письменномъ столѣ.

— Вотъ, пока, тысяча марокъ, докторъ. Этого вамъ хватитъ на первыя необходимыя издержки. Относительно дальнѣйшаго вознагражденія мы ужъ потомъ сговоримся. Съ вашимъ знакомымъ врачомъ вы уговоритесь сами и можете при этомъ не щадить моего кошелька. Вообще, постарайтесь, чтобы ни въ чемъ не было недостатка — для меня нѣсколько лишнихъ голубыхъ бумажекъ не составятъ разницы.

Онъ поднялся.

— Послѣ-завтра я ожидаю отъ васъ отвѣта. И, еще разъ, — прошу вашу руку въ подтвержденіе того, что вы исполните мои условія добросовѣстно.

Нѣсколько нервѣшительно протянулъ ему свою руку молодой докторъ. Незнакомецъ снова какъ-то странно засмѣялся.

— Вы никогда не будете сожалѣть объ этой консультациіи, никогда! А кристаллъ, который я такъ долго носилъ въ себѣ, вы должны мнѣ заботливо сохранить. Я хочу его взять себѣ на память.

Онъ пошелъ къ двери, и Виллибальдъ Шпренгель любезно проводилъ его.

— Не лучше-ли вамъ, господинъ Габлеръ, оставить мнѣ свой адресъ? — спросилъ онъ.

— Я живу теперь у знакомыхъ и мало бываю дома, — уклончиво возразилъ незнакомецъ, — мнѣ, во всякомъ случаѣ, будетъ удобно, если я послѣ-завтра самъ зайду за отвѣтомъ. Всего хорошаго, докторъ! До свиданія!

III.

Въ приемной Шпренгеля окна были широко открыты, и свѣжій воздухъ теплаго майскаго дня вливался широкой волной въ комнату, наполненную сладковатымъ запахомъ хлороформа.

Оба врача были какъ разъ за чистой и укладкой инструментовъ. Фрау Книфке безшумно ходила туда и сюда, мыла губкой операціонный столъ, выносила тазы и заглядывала, волнуемая любопытствомъ, въ спальню, гдѣ Генрихъ Габлеръ, все еще въ глубокомъ наркозѣ, лежалъ на простой походной кровати.

Докторъ Винтеръ сказалъ тихо своему коллегѣ, когда тотъ мыломъ и щеткой сталъ очищать только-что вынутый горный хрусталль:

— Я думаю, мы можемъ быть довольны результатомъ операціи. Нашъ пациентъ, при его могучемъ здоровьи, перенесетъ такъ же легко и послѣдствія ея.

— Я надѣюсь, — отвѣчалъ Шпренгель съ искреннимъ сочувствіемъ, — во всякомъ случаѣ я желалъ бы ему скорого выздоровленія. Вѣдь, нало отдать справедливость, этотъ господинъ Габлеръ не только щедрый пациентъ, но также и въ высшей степени интеллигентный человѣкъ, съ рѣдкой добротой сердца, несмотря на его полное приключеніе прошлое. Послѣдніе дни я много бывалъ съ нимъ наединѣ, и эти часы безспорно принадлежатъ къ наиболѣе интереснымъ, которые я когда-либо переживалъ. То, что онъ, не придавая этому особаго значенія, разсказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ, дало мнѣ возможность узлать

его характеръ. Благородный образъ мыслей, ясно видный изъ всѣхъ мелкихъ чертъ его разсказовъ, разсѣялъ всѣ мои послѣднія сомнѣнія, и я теперь очень радъ, что не отклонилъ тогда его просьбы, показавшейся мнѣ сначала такой странной.

Винтеръ тщательно вытеръ кристалль мягкой тряпкой.

— Собственно говоря, трудно даже повѣрить, — сказалъ онъ, качая головой, — что эта масса, величиною почти съ голубиное яйцо, могла такъ свободно пройти черезъ пищевую каналъ. Кромѣ того, взгляните-ка, коллега, самый камень совершенно покрытъ какой-то массой, похожей на гипсъ.

Шпренгель съ любопытствомъ взялъ камень въ руки и внимательно его осмотрѣлъ.

— Вы правы, — сказалъ онъ задумчиво, — подѣ бурой оболочкой камня почти и не видно. Но онъ отшлифованъ. Я совершенно ясно узнаю форму розетки.

Онъ расковырялъ оболочку. Оба подошли къ открытому окну, и теперь, когда солнечный свѣтъ попалъ на голубой кристалль, ярко горящіе лучи вдругъ засверкали на немъ. Камень горѣлъ такимъ сильнымъ блескомъ, что оба врача не могли удержатъ крика изумленія. Какъ загнипнотизированные, уставились они на эти снопы яркихъ лучей, горѣвшихъ въ рукѣ Шпренгеля и ослѣплявшихъ глаза.

— Я никогда еще не видалъ ничего подобнаго, — воскликнулъ Винтеръ, сильно возбужденный. — Камень прямо-таки можно принять за брилліантъ! Вы только посмотрите, какъ преломляются въ немъ солнечные лучи!

Тутъ фрау Книфке помѣшала ихъ дальнѣйшему разсматриванію.

— Господинъ докторъ, онъ проснулся и хочетъ съ вами сейчасъ же говорить.

Матово-блѣдный лежалъ Генрихъ Габлеръ на подушкахъ. Когда врачи подошли къ его постели и въ сердечныхъ выраженіяхъ пожелали ему скорѣйшаго выздоровленія послѣ удачной операціи, онъ, казалось, почти ихъ не слушалъ. Съ боязливымъ напряженіемъ глядѣлъ онъ на Шпренгеля и пытался прочесть выраженіе его лица. Потомъ онъ спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— А кристалль, — нашли вы его? Гдѣ же онъ, гдѣ? Дайте мнѣ его!

Когда молодой врачъ положилъ ему камень на руку, онъ осмотрѣлъ его боязливо-испытующе со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ выраженіе побѣдоносной радости пробѣжало по его блѣдному лицу.

IV.

Прошло почти полгода прежде, чѣмъ Габлеръ могъ оставить жилище врача. Онъ обѣщалъ писать доктору, съ которымъ у него завязались самыя дружественныя отношенія, но наступилъ декабрь, а отъ пациента — ни строчки! Въ одинъ прекрасный день Шпренгель получаетъ вдругъ извѣщеніе изъ нѣмецкаго банка, что на его имя переведено изъ Брюсселя 30 тысячъ марокъ. Шпренгель принялъ это сначала за злую шутку пріятелей, но, навѣдавшись по настоянію невѣсты въ банкъ, убѣдился, что обмана никакого не было. Пришлось сообщить Кэти о личности щедратаго пациента (переводъ былъ отъ его имени), а также посвятить въ дѣло и ея родителей. Старикъ смягчился, и свадьба была назначена на февраль.

Вернувшись въ самое радужное настроеніе домой, Шпренгель нашелъ на своемъ столѣ объемистый пакетъ со штемпелемъ Брюсселя. Въ немъ лежали газетныя вырѣзки и цѣлая пачка мелко исписанныхъ листиковъ бумага. Почти цѣлый часъ сидѣлъ молодой докторъ и все просматривалъ письмо, содержаніе котораго казалось ему какимъ-то фантастическимъ романомъ.

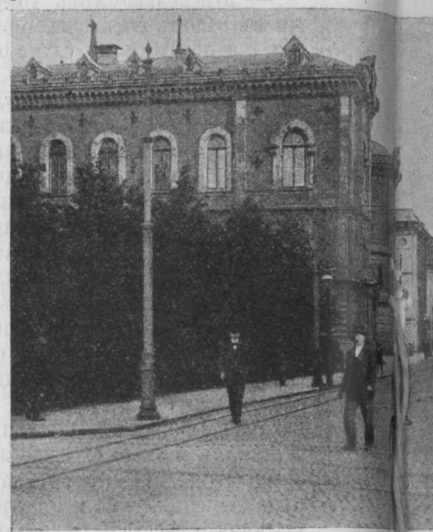
Къ открытію сессіи финляндскаго сейма

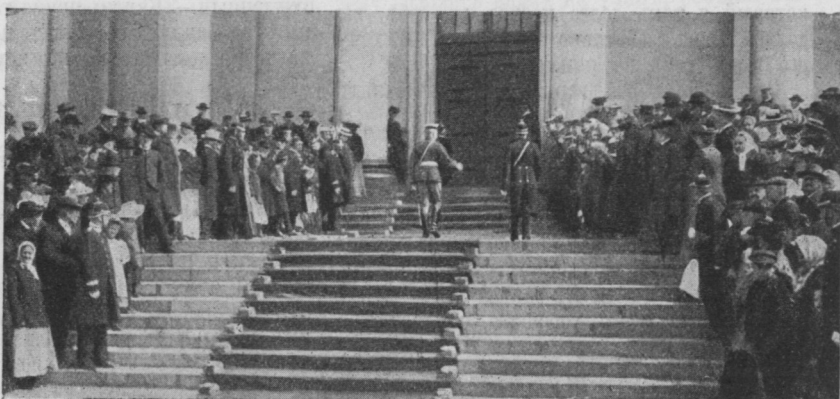
Лидеръ социаль-демократовъ Урзинъ (финляндскій Бебель).

Социаль-демократъ Нюортева произноситъ рѣчь съ трибуны финляндскаго сейма.

Зданіе вольнаго пожарнаго общества финляндскаго сейма.

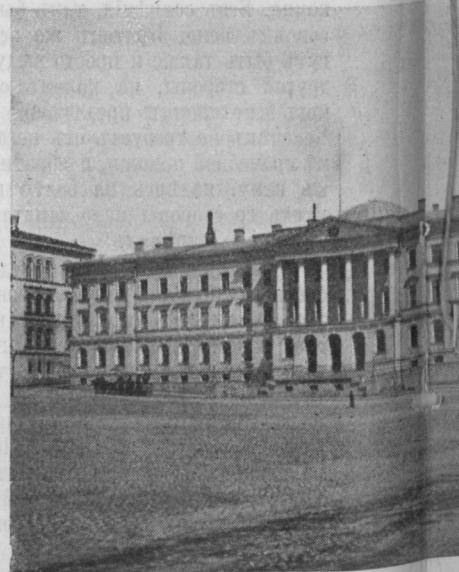
У собора, во время торжественнаго богослуженія передъ открытіемъ сейма.

На трибунѣ президіума.

Финляндскіе депутаты при выходѣ изъ дворца, послѣ тронной рѣчи.

Зданіе финляндскаго сейма.

Открытіе сессіи финляндскаго сейма Въ Гельсингфорсѣ, состоявшееся 19-го іюля с. г., явилось, такъ сказать, предварительнымъ; официальное открытіе, вслѣдствіе отсутствія финляндскаго генераль-губернатора Бекмана, состоялось лишь въ среду, 23-го іюля. Въ первомъ засѣданіи была произведена провѣрка депутатскихъ полномочій. Представленные

191 депутатомъ полномочія, всѣ признаны правильными; девять депутатовъ къ открытію сейма не явилось. Второе засѣданіе, въ понедѣльникъ, 21-го іюля, было посвящено выборамъ президіума. Въ голосованіи участвовало 190 депутатовъ. Избранъ тальманомъ (предсѣдателемъ) сейма извѣстный политическій дѣятель Свинхувудъ 106 голосами. Кандидатъ

старофинновъ, Листъ, получилъ всего 50 голосовъ; половина социалистовъ воздержались отъ голосованія.

въ которомъ происходятъ засѣданія въ Гельсингфорсѣ.

Извѣстный политическій дѣятель, сенаторъ Лео Михелинь.

Аллегорическая бронзовая фигура Финляндіи, на трибунѣ, позади президіума.

ма финляндскаго сейма.

Послѣ трояной рѣчи, передъ Императорскимъ дворцомъ.

сената въ Гельсингфорсѣ

Генералъ-губернаторъ Бекманъ, отбываетъ изъ гельсингфорскаго собора. Среди публики видны сенаторы въ треуголкахъ.

Вслѣдствіе выдающагося политическаго значенія предстоящей первой сессіи новаго финляндскаго сейма, въ Гельсинг-

форсѣ прибыло много мѣстныхъ и иностранныхъ журналистовъ. Главною задачею сессіи сейма и сената всѣ партіи считаютъ необходимость сохранить конституціонный строй въ Финляндіи. Въ сеймѣ преобладаютъ социаль-демократы, большинство въ сенатѣ — старо-финны. Послѣдніе домогаются проведенія сеймомъ полного воспрещенія продажи крѣпкихъ напитковъ и отклоненія военныхъ ассигновокъ. Соціалисты требуютъ немедленной реформы земельной аренды и предоставленія рабочимъ права голоса въ общинныхъ дѣлахъ. Предстоитъ также обсужденіе вопроса о новыхъ почтовыхъ правилахъ въ Финляндіи.

Въ этомъ романѣ онъ, самъ того не подозрѣвал, также игралъ нѣкоторую роль.

«Брюссель, 9-го декабря 1907 г.

Дорогой докторъ! Когда вы получите это письмо, я буду уже плыть по океану навстрѣчу моему новому отечеству. Я не называю вамъ ни дѣли моего путешествія, ни моего будущаго адреса. Я хочу поселиться въ мѣстности, гдѣ никто меня не знаетъ. Дѣлаю я это не изъ недовѣрія къ вамъ, но изъ предосторожности, что вы поймете, прочтя письмо. Кромѣ того, я опасаясь, что изъ ложно понятой честности вы отошлете мнѣ назадъ то, что, вѣроятно, поможетъ вамъ осуществить ваши сердечныя желанія. Пишу же я вамъ, чтобы вы не считали обыкновеннымъ воровъ вашего своеобразнаго пациента, если бы вамъ попались на глаза прилагаемыя газеты, и вы по нимъ догадались объ истинѣ.

Судите, докторъ, судите строго, но спрашивайте, того чудака, у котораго вы вырѣзали, какъ вы думали, простой черный хрусталь.

Первая замѣтка «Брюссельск. Газ.» сообщаетъ всего только, что торговецъ алмазами Фабро купилъ за полтора милліона чудный голубой бриллиантъ, совершенно неизвѣстный въ кругу торговцевъ. Продавшій камень заявилъ, что онъ лишь уполномоченный одного моряка, нашедшаго камень въ развалинахъ храма на Цейлонѣ. Вторая замѣтка говоритъ о самомъ бриллиантѣ и рассказываетъ исторію знаменитаго «глаза Брамъ», принадлежавшаго нѣкогда французской коронѣ, утверждая, что купленный Фабро камень и есть исчезнувшій сто лѣтъ назадъ «глазъ Брамъ».

Эти замѣтки и то, что вы обо мнѣ знаете, дѣйствительно, выставляютъ меня воровъ, укравшимъ гдѣ-нибудь бриллиантъ и спрятавшимъ его въ своемъ тѣлѣ. Но, чтобы правильно судить, вамъ необходимо знать исторію моей семьи.

Меня зовутъ не Габлеръ, а Фридрихъ Сандеръ. Я—единственный сынъ Леопольда Сандера, торговца древностями въ Лейпцигѣ. Отца я никогда не зналъ. Въ дѣтствѣ я часто слышалъ отъ матери, что мой отецъ и братъ его, Генрихъ, погибли во время морского путешествія. Мать продолжала сначала дѣло отца, но потомъ продала его.

Вечеръ того дня, когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, навсегда останется въ моей памяти. Мать сидѣла въ покойномъ креслѣ, разложивъ передъ собой пожелтѣвшіе листки письма и нѣжно проводя по нимъ рукой.

— «Теперь ты въ такомъ возрастѣ,—начала она,—что можешь быть посвященъ въ тайну нашей семьи. Но храни эту тайну, какъ я это до сихъ поръ дѣлала. То, что ты узнаешь о судьбѣ твоего отца, не принесетъ тебѣ пользы. Я же тебя прошу никогда не пытаться отомстить кому-нибудь за него: возмездіе предоставь Всемогущему!

Я тебѣ часто рассказывала, что отецъ предпринималъ большія путешествія, скупая рѣдкости и старинныя вещи. Весной 1849 г. попалъ онъ въ одинъ крестьянскій домъ въ Эльзасѣ, владѣлецъ котораго, какъ ему говорили, обладалъ разными старинными украшениями. Среди послѣднихъ онъ нашелъ голубой камень въ золотой оправѣ, которая, казалось, была отломана отъ діадемы. Отецъ купилъ этотъ камень за небольшую сравнительно цѣну.

Когда онъ показалъ его, по возвращеніи домой, твоему дядѣ, который былъ большой знатокъ драгоценныхъ камней, тотъ сразу заявилъ, что передъ нимъ бриллиантъ неизмѣримой цѣнности. Тогда мы только-что поженились и строили блестящія планы будущаго, такъ какъ, по оцѣнкѣ дяди, камень долженъ былъ принести сотни тысячъ. Трудно было лишь найти изъ него покупателя.

Пѣлый годъ продолжались осторожныя разспросы. Въ это время родился ты, и я была бы вполне счастлива, если бы не мысль, мучившая твоего отца: продать камень, какъ можно дороже.

Лѣтомъ 1850 г. отецъ заявилъ мнѣ, что онъ съ братомъ долженъ уѣхать на долгое время. Только на мои настойчивыя просьбы сообщилъ онъ, что они хотятъ продать бриллиантъ на Востокѣ. Напрасно я рыдала и молила его остаться и отпустить родного брата. 12-го сентября они отплыли оба на «Геркулесъ» изъ Гамбурга. Я больше никогда ихъ не видала.

Лишь черезъ десять лѣтъ получила я изъ Коломбо это письмо, которое я берегу, чтобы передать его тебѣ. Содержаніе его я знаю почти наизусть.

Прибывъ въ Калькутту, отецъ и дядя услышали о раджѣ Сарахматра изъ Садани, который былъ большимъ любителемъ рѣдкихъ драгоценныхъ камней. Черезъ одного чиновника ость-индской кампаніи вошли они въ сношенія съ этимъ княземъ и приняли его приглашеніе посѣтить замокъ на берегу, вблизи Мадраса. Здѣсь, послѣ того, какъ раджа, котораго отецъ описываетъ, какъ благообразнаго старика, осмотрѣлъ камень и условился въ цѣнѣ, они были схвачены ночью въ своихъ комнатахъ, связаны и заперты въ глубокое подземелье, гдѣ они и провели ужасныя десять лѣтъ. Было-ли это сдѣлано по приказанію князя или безъ его вѣдома,—отецъ такъ и не могъ узнать.

Въ виду того, что камень они передали въ тотъ же день раджѣ и должны были на слѣдующее утро получить переводъ на англійскій банкъ, весьма вѣроятно, что одинъ изъ слугъ, сговорившись съ такими же безсовѣстными негодяями, бросилъ твоего отца въ темницу, чтобы присвоить деньги. Князю же доложилъ, что купцы уѣхали.

Когда твоему отцу и дядѣ удалось, наконецъ, бѣжать и послѣ мѣсячныхъ скитаній по дебрямъ Индіи добраться до Коломбо, на Цейлонѣ, они тотчасъ возбудили жалобу противъ раджи у англійскаго губернатора и рассказали исторію своихъ страданій. Но ихъ жалоба была отклонена, рассказамъ не повѣрили.

Это было въ 1861 году, когда вспыхнуло большое возстаніе, и туземцы пытались свергнуть иго англичанъ. Раджа Сарахматра, одинъ изъ немногихъ, остался вѣренъ англичанамъ, и у нихъ не было ни времени, ни охоты возбуждать противъ него обвиненіе изъ-за какихъ-то нѣмецкихъ купцовъ.

Тутъ умеръ твой дядя въ жестокомъ приступѣ малярии. Отецъ остался одинъ въ чужой странѣ, безъ всякихъ средствъ. Но онъ хотѣлъ еще разъ попытаться добиться своихъ правъ и простымъ матросомъ отправился на кораблѣ въ Калькутту. Онъ думалъ выяснитъ происшествіе съ помощью того чиновника, который служилъ имъ посредникомъ. Но послѣ томительныхъ розысковъ онъ узналъ, что этотъ чиновникъ убитъ съ другими европейцами въ Хантурѣ.

Англійскія власти и въ Калькуттѣ отклонили всѣ прошенія и жалобы, такъ какъ отецъ не могъ представить никакихъ доказательствъ. Отчаявшись, онъ махнулъ на все рукой и рѣшилъ возвратиться на родину.

Поступивъ на гамбургскій бригъ «Ариадна», онъ отплылъ въ Европу, написавъ мнѣ предварительно это письмо. Письмо я получила, отецъ же твой никогда ужъ больше не возвращался: 15-го сентября 1862 г. «Ариадна» потонула со всѣмъ грузомъ и людьми въ Красномъ морѣ.»

Вотъ, что рассказала мнѣ мать въ памятный для меня вечеръ. Помню, я послѣ того нѣсколько дней ходилъ, какъ помѣшанный, и все читалъ пожелтѣвшіе листки. Я началъ осторожно наводить справки и бесѣдовать

съ людьми, знакомыми съ торговлей алмазами. Я хотѣлъ убѣдиться, находится-ли еще камень въ рукахъ раджи.

Мои розыски привели меня, во-первыхъ, къ тому, что купленный моимъ отцомъ въ Эльзасѣ камень несомнѣнно былъ «глазъ Брамъ», украденный въ 1792 г. изъ королевской сокровищницы. Во-вторыхъ,—для меня это было очень важно,—я узналъ, что одинъ индійскій раджа владѣетъ громаднымъ голубымъ бриллиантомъ поразительной красоты, который онъ, по слухамъ, отнялъ у нѣмецкихъ купцовъ.

V.

Въ это время возгорѣлась франко-прусская война, а я былъ призванъ на службу и совершилъ походъ съ арміей кронпринца. Въ день битвы при Седанѣ я получилъ извѣстіе о смерти моей матери. Теперь я былъ свободенъ.

Если до сихъ поръ меня занимали интересы войны, то послѣ этого горестнаго извѣстія я рѣшилъ возможно скорѣе приняться за выполненіе того, что съ знаменательнаго вечера стало цѣлью моей жизни! На голубой бриллиантъ я смотрѣлъ, какъ на свою собственность, и рѣшилъ овладѣть имъ во что бы то ни стало.

По окончаніи войны я вышелъ въ запасъ, реализировалъ свои скудныя средства и въ 1872 г. отправился, наконецъ, въ Индію.

Найдя замокъ раджи Сарахматра въ Садани, я увидѣлъ, что задача моя почти невыполнима. Но отступать было рано! По профессіи морякъ, я поступилъ на службу на торговое судно и черезъ нѣкоторое время дослужился до штурмана на большомъ пароходѣ англійской кампаніи въ Мадрасѣ.

Такимъ образомъ, я черезъ короткіе промежутки возвращался въ Индію и могъ не терять изъ виду раджи. Въ 1892 г. я узналъ, что новый раджа, Матасана Садани,—Сарахматра незадолго передъ тѣмъ умеръ,—заказалъ себѣ въ Англии яхту и подыскивалъ на нее команду. Благодаря моимъ отличнымъ аттестаціямъ (всѣ онъ были выданы на имя Вилькенса), мнѣ легко удалось поступить къ нему капитаномъ яхты. Тутъ мнѣ часто представлялся случай не только встрѣчаться съ молодымъ раджей, но и есторожно узнавать, гдѣ держитъ онъ свои сокровища. Я еще разъ убѣдился въ неисполнимости моей затѣи.

Снова протекли годы. Я ужъ хотѣлъ доврѣдиться раджѣ и повѣдать ему всю правду о судьбѣ моего отца, но какое-то предчувствіе удержало меня,—къ счастью, какъ показало будущее.

Осенью 1889 г. яхта князя «Годавари» чинила легкое поврежденіе обшивки въ сухомъ докѣ Мадраса. Неожиданно я получилъ извѣщеніе отъ секретаря раджи спѣшно закончить работы по исправленію яхты и плыть на ней въ Садани, гдѣ и стать на якорь передъ замкомъ. Дальнѣйшія приказанія получу лично.

Прибывъ въ Садани, я велѣлъ доложить о себѣ. Раджа привѣтливо принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, кромѣ него, находился только старый брананъ Аскари, довѣренный и другъ покойнаго раджи.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о состояніи яхты раджи сказалъ:

— Мистеръ Вилькенсъ, вы уже нѣскольکو лѣтъ на моей службѣ и за это время вполне заслужили мое довѣріе. Доказательство этого довѣрія я вамъ и хочу дать. Вы знаете, что я построилъ себѣ новый дворецъ въ Миндапурѣ, около Калькутты, гдѣ я буду проводить большую часть года. Я думаю перевезти въ стальную камеру этого дворца всѣ мои сокровища изъ Садани. Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, самую цѣн-

ную часть ихъ составляетъ коллекція рѣдкихъ драгоцѣнныхъ камней. Среди нихъ есть очень дорогіе брилліанты, которые...

Тутъ Матасана остано­вился. Старый бра­минъ многозначительно кашлянулъ и бро­силъ на князя быстрый взглядъ, который мнѣ все же удалось уловить. Когда я, затѣмъ, пристально взглянулъ на молодого князя, на его тонкомъ оливково-желтомъ ли­цѣ вспыхнулъ легкій румянецъ, и онъ не­вольно опустилъ глаза. Въ тотъ же моментъ мнѣ стало ясно: раджа знаетъ исторію голу­бого камня, знаетъ, какимъ преступнымъ образомъ онъ попалъ въ руки его отца.

Между тѣмъ Матасана медленно продол­жалъ:

— Такъ вотъ, эту коллекцію вы и Аска­ри должны перевезти на яхтѣ въ Калькут­ту, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ новый замокъ въ Миндапурѣ. Я считаю такой спо­собъ перевозки наиболѣе безопаснымъ. Везти далеко по желѣзной дорогѣ, по-моему, слишкомъ опасно. Теперь стали такъ часты крушенія поѣздовъ, кромѣ того, при путе­шествіи по землѣ надо будетъ довѣриться большому числу людей, что только увели­чить опасность ограбленія. Такъ же мы только трое будемъ знать, какой цѣнный грузъ повезетъ «Годавари». На ваше молча­ніе, конечно, я полагаюсь такъ же, какъ и на Аскари.

Затѣмъ раджа сообщилъ подробности сво­его плана. Драгоцѣнные камни и украшенія мы должны будемъ упаковать и перенести въ мою каюту, гдѣ мы вмѣстѣ съ Аскари и бу­демъ находиться во все время переѣзда.

Вы можете себѣ представить, докторъ, въ какомъ возбужденіи я вернулся на яхту! Наконецъ, мнѣ представлялся случай испол­нить мою долголѣтнюю мечту! Я не коле­бался ни одного момента. Я теперь убѣдился, что старый раджа подло обманулъ моего отца. У меня было еще двѣ недѣли впереди, и я сталъ готовиться. Поѣхавъ въ Мадрасъ, какъ бы для того, чтобы сдѣлать покупки для «Годавари», я взялъ изъ банка мои сбе­реженія, которыя достигли уже извѣстной величины, узналъ точно время отхода боль­шихъ пароходовъ изъ Калькутты и вернул­ся въ Садани, не возбуждая подозрѣній.

Въ одну темную ночь князь, Аскари и я вошли въ тайникъ замка. Обыкновенному смертному рѣдко представляется случай видѣть то, что представало моимъ глазамъ. Я много слышалъ о несмѣтныхъ богатствахъ раджи, но то, что засверкало подъ лучами нашихъ фонарей, превосходило всякое пред­ставленіе. Я стоялъ, какъ очарованный, не смѣя вымолвить ни слова, и лишь присталь­ный взглядъ раджи заставилъ меня очнуться и призвать на помощь всю энергію. Все же приказаніямъ князя я слѣдовалъ, какъ во­снѣ. Лихорадочная дрожь пробѣгала по все­му тѣлу, на лбу выступалъ холодный потъ, и новые планы неотвязчиво вертѣлись въ мозгу.

Раджа открылъ кованный желѣзный шкафъ старой индійской работы и, молча, сталъ намъ подавать маленькіе ящики эбе­нового дерева, въ которыхъ находились до­рогіе камни. Я и Аскари такъ же безмолв­но уложили ихъ въ кожаные чемоданы.

На утро яхта «Годавари» вышла въ море, держа курсъ на Калькутту. Вечеромъ второго дня, когда мы пересѣкали Бенгальскій за­ливъ подъ сильнымъ нордъ-остомъ, я всы­палъ въ лимонадъ индусу безвреднаго сон­наго средства. Затѣмъ, я пошелъ на палубу и вернулся лишь черезъ четверть часа.

Аскари лежалъ на диванѣ, гдѣ онъ про­водилъ ночь, не разставаясь ни на минуту съ чемоданомъ.

— Я усталъ, Вилькенсъ,—сказалъ онъ,

какъ бы оправдываясь, — морская болѣзнь даетъ себя чувствовать.

Скоро онъ крѣпко заснулъ.

Я подождалъ еще полчаса, прислушиваясь къ его ровному дыханію. Старикъ-бѣдняга и не подозрѣвалъ, что его внезапная сонли­вость имѣла совершенно иное основаніе— стаканъ изъ-подъ лимонада былъ пустъ. Я попробовалъ разбудить брамина, но онъ спалъ, какъ убитый, и на мой зовъ бормо­талъ лишь невнятные слова.

Время дѣйствовать!

На меня нашло необыкновенное спокой­ствіе, и я, не спѣша, исполнилъ все, заранѣе обдуманное.

Закрывъ дверь каюты и завѣсивъ окна, я вытащилъ осторожно ключъ, который Аскари носилъ на шнуркѣ вокругъ шеи, открылъ сундуки и сталъ искать голубой камень. Деревянные ящики легко открыва­лись при нажатіи на кнопку.

Вотъ, наконецъ, и «глазъ Брамъ», моя собственность! Онъ лежалъ на подстилкѣ изъ бѣлага шелка, и лучи свѣта такъ и ли­лись изъ него. Бросивъ быстрый взглядъ на брамина, я положилъ брилліантъ въ кар­манъ, а въ пустой ящикъ заранѣе пригото­вленную записку.

Въ ней значилось: «Меня зовутъ не Виль­кенсъ, а Сандеръ, я—сынъ того нѣмецкаго купца, у котораго раджа Сорахматра укралъ голубой камень. Я взялъ лишь то, что мнѣ принадлежить по праву.»

Аскари даже не шевельнулся, когда я повѣсилъ ему ключъ снова на шею.

Теперь надо было спрятать камень. Объ этомъ я тоже подумалъ. Обливъ его гип­сомъ, я придаль камню форму голубиного яйца. Когда гипсъ застылъ, я смазалъ его саломъ и проглотилъ.

Браминъ проснулся на другое утро съ тя­желой головой, но приписалъ свою слабость морской болѣзни.

Остатокъ пути прошелъ безъ приключе­ній. Я устроилъ такъ, что мы прибыли въ Калькутту за два часа до отхода большого парохода. Я приказалъ перевести меня тот­часъ на берегъ, чтобы исполнить необходи­мыя формальности въ порту, какъ я объяс­нилъ Аскари. Деньги и бумаги были при мнѣ. Купивъ необходимыя для путешествія вещи, я, за десять минутъ до отхода «Океа­нии» былъ уже на ея борту.

Когда я затѣмъ переодѣлся въ каютѣ, во мнѣ уже было нелегко узнать недавняго ка­питана «Годавари»: борода моя пала подъ бритвой китайскаго цирюльника.

Черезъ пять недѣль я прибылъ въ Санъ-Франциско и далъ себя изслѣдовать извѣст­ному врачу. О моихъ дальнѣйшихъ стран­ствованіяхъ по свѣту я вамъ уже не разъ рассказывалъ, дорогой докторъ. Боюсь прес­лѣдованія, я не оставался долго на одномъ мѣстѣ, такъ какъ я ни одного мгновенья не сомнѣвался, что Матасана приложить всѣ свои усилія, чтобы снова овладѣть го­лубымъ брилліантомъ. Его богатство по­зволяло ему пустить по моимъ слѣдамъ сво­ру ловкихъ сыщиковъ.

Въ концѣ 1903 года,—я ѣхалъ тогда изъ Капштадта на пароходѣ Ллойда «Бисмаркъ», — я убѣдился, что моя предосторожность была не напрасна. Среди пассажировъ «Би­смарка» находились трое англійскихъ чи­новниковъ колоній, возвращавшихся черезъ Занзибаръ въ Индію. Какъ-то вечеромъ они сидѣли за крупной игрой въ макао и непри­нужденно бесѣдовали о дѣлахъ Капской ко­лоніи и о недавнемъ ограбленіи большой фирмы, торговавшей брилліантами.

Тутъ, кстати, вспомнили и о таинствен­номъ исчезновеніи знаменитаго голубого брилліанта раджи Матасана, о которомъ, не­смотря на начатые тотчасъ же розыски, ни­чего не удалось узнать.

Особенно интересно мнѣ было услышать, что Матасана, неизвѣстно почему, отклю­нилъ всѣ предложенія судебныхъ властей и прессы способствовать розыскамъ. Эту за­гадку я могъ бы хорошо объяснить англи­чанамъ: Матасана боялся, чтобы случайно не обнаружилось преступленіе его отца! Я подождалъ еще годъ и затѣмъ вернулся въ Германію, чтобы вырѣзать камень изъ моего желудка.

Остальное вы знаете.

Какъ мнѣ удалось продать камень, вы видите изъ газетъ. Конечно, я сначала про­смотрѣлъ у торговцевъ списокъ извѣстныхъ украденныхъ камней, — «глаза Брамъ» тамъ не было. Это показало мнѣ, какъ бо­ится раджа огласки.

Теперь, докторъ, когда вы знаете исторію моей жизни,—судите. Вашего приговора я, вѣроятно, никогда не узнаю, но я освобо­ждаю васъ отъ даннаго мнѣ обѣщанія мол­чать о моемъ дѣлѣ. Можетъ быть, вы захо­тите повѣдать міру о моей правотѣ, и это будетъ мнѣ доказательствомъ, что вы не осуждаете меня. Прощайте, дорогой до­кторъ! Да принесетъ вамъ будущее много свѣтлыхъ радостей!»

VI.

Весною 1908 года докторъ Виллибальдъ Шпренгель прочелъ своей молодой женѣ слѣ­дующую газетную замѣтку:

«Наслѣдникъ британскаго престола съ су­пругой, которые, какъ извѣстно, предпри­няли въ октябрѣ прошлаго года путешествіе въ Индію, послѣ посѣщенія прибрежныхъ городовъ прибыли въ древнюю столицу ин­дійскаго царства, Дельфи, гдѣ были при­няты со сказочнымъ великолѣпіемъ, воз­можнымъ лишь на Востока. Передъ ворота­ми города будущій властелинъ имперіи былъ встрѣченъ вице-королемъ Индіи Мин­то, во главѣ нѣсколькихъ сотенъ мѣстныхъ князей. Вечеромъ былъ данъ банкетъ, на которомъ князья были въ своихъ живопис­ныхъ національныхъ костюмахъ. Общество за столомъ представляло изумительную, вол­шебную картину: разноцвѣтный шелкъ, зо­лото, драгоцѣнные камни,—все это казалось сказкой изъ «Тысячи и одной ночи». Обще­е вниманіе привлекалъ Матасана, молодой ра­джа Садани. У него на шеѣ, на усыпанной брилліантами золотой цѣпи висѣлъ, въ видѣ медальона, громадный голубой брилліантъ, передъ блескомъ и красотой котораго туск­нѣли всѣ остальные камни. Этотъ брил­ліантъ, который знатоки считаютъ за «глазъ Брамъ», украденный сто лѣтъ назадъ изъ французскаго сокровищницы, находился во владѣніи князей Садани около 50 лѣтъ. Въ 1899 году онъ былъ похищенъ и былъ куп­ленъ въ 1905 году брюссельскимъ торгов­цемъ, который перепродалъ его прежнему владѣльцу за огромную сумму въ три мил­ліона франковъ.»

Шпренгель свернулъ газету и вопроси­тельно взглянулъ на жену.

— Знаешь, почему я тебѣ это прочелъ?

— О, конечно, вѣдь, это же нашъ счаст­ливый камень—«глазъ Брамъ»!

Четвертый всероссийский миссионерский съездъ въ городѣ Киевѣ,
съ 12-го по 26-е іюля с. г.

Со снимковъ корреспондента журнала „Огонекъ“, фотографа С. Смирнова.

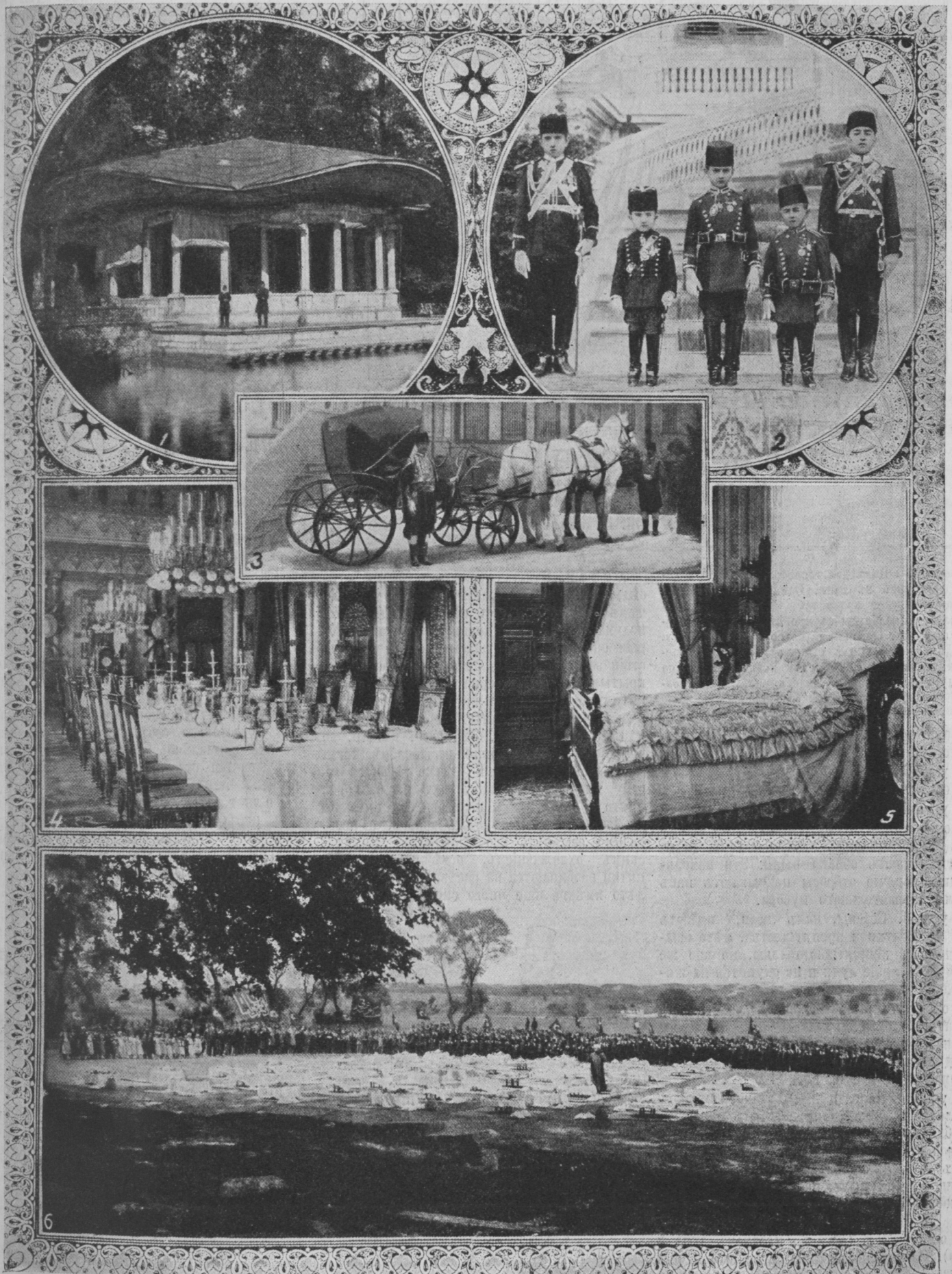
Молебствіе у колодца св. Владиміра.

Крестный ходъ въ Киевѣ, 15-го іюля с. г.

Засѣданіе четвертаго всероссийскаго миссионерскаго съѣзда въ г. Киевѣ, подъ предсѣдательствомъ замѣстителя предсѣдателя съѣзда, архієпископа волынскаго и житомирскаго Антонія, въ присутствіи его высокопреосвященства митрополита кievскаго и галицкаго Флавіана, состоявшееся 15-го іюля с. г.

1) Дворецъ султана надъ озеромъ Ильдизъ. 2) Сыновья Абдуль-Гамидъ. 3) Карета султана. 4) Столовая въ Ильдизъ-Кіоскъ. 5) Комната, въ которой спалъ императоръ Вильгельмъ, будучи гостемъ султана. 6) Большой праздникъ на открытомъ воздухѣ: угощеніе отъ султана школьнымъ дѣтямъ.

Ильдизъ-Кіоскъ, великолѣпный дворецъ турецкаго султана, очень живописно расположенъ надъ Золотымъ Рогомъ. Это, собственно, не одинъ дворецъ, а нѣсколько, съ безчисленнымъ множествомъ комнатъ и павильоновъ. Каждую ночь султанъ указываетъ, въ какомъ изъ нихъ онъ будетъ ночевать. До сихъ поръ, при старомъ строѣ, съ названіемъ Ильдизъ-Кіоска соединилось представленіе о безграничномъ деспотизмѣ. Можетъ быть, съ новымъ строемъ установятся діаметрально-противоположныя взгляды.

Толстякъ: Эта жара убійственна, возмутительна, невыносима!

АХЪ, ЭТА ЖАРА!

Набросокъ-фантазія

Робера де-Флеръ и Ж. А. Кэллава.

(На скамьѣ сидятъ два господина. Двадцать восемь градусовъ въ тѣни. Одинъ изъ сидящихъ худощавъ, платье валаадается на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Вакебарды съ просьбою, пенсена. Черный галстухъ. Онъ внимательно читаетъ газету. Сосѣдъ его по скамьѣ пышетъ здоровьемъ; покраснѣвшее лицо, обильная испарина. Шляпа сдвинута на затылокъ, жилетъ растегнутъ. Толстякъ, что называется, раскисъ).

Толстякъ. Пыль! Пыль! Все есть ничто иное, какъ пыль!

Худой. Прахъ?

Толстякъ. Нѣтъ, именно—пыль!

Худой. Вы, должно быть, философъ? Толстякъ. Нѣтъ, сударь, я — пѣшеходъ и возмущаюсь автомобилями, которые вздымаютъ облака пыли. Эти измельченные, горячіе отбросы покрываютъ насъ слоемъ заразительнаго мусора.

Худой. Сезоны, какъ люди, имѣютъ свои недостатки и преимущества. Лѣто осыпаетъ насъ неприятною пылью, но оно же расточаетъ яркіе лучи и не скупится на живительное тепло.

Толстякъ. Живительное, — нечего сказать! Эта жара убійственна, возмутительна, невыносима! Отъ нея совершенно обалдѣваешь. Нѣтъ силъ пошевелиться, изнемогаетъ даже мышление!

Худой. Но зато люди становятся благосклоннѣе. Лѣто, понижая нашу энергію, ослабляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашу природенную злобность, являющуюся основнымъ источникомъ человѣческой дѣятельности. Лѣтомъ люди, несомнѣнно, становятся добрѣе. И только потому, что они лѣнивѣе. Да здравствуетъ лѣто!

Толстякъ (обтирая платкомъ лицо и шею). Славно вы расписываете его, нечего сказать! Вы думаете, приятно отдуваться, какъ моржъ, и расплываться, точно рѣка? Вѣчно толкуютъ о потѣ трудящагося народа. Какая несправедливость! Народъ потѣть очень мало. Онъ привыкъ къ физическимъ работамъ и обладаетъ закаленною выносливостью. Гораздо правильнѣе было бы говорить о потѣ среднихъ классовъ населенія: имъ орошается земля и—носовые платки.

Худой. Ваши упреки, почтенный сосѣдъ, дышутъ предвзятостью. Раньше, чѣмъ обрушиваться съ нападками на лѣто, подумайте о всѣхъ преимуществахъ, которыя оно намъ представляетъ: объ удовольствіи заглядывать въ квартиры черезъ раскрытыя окна и созерцать сцены самой интимной жизни, о наслажденіи тянуть прохладительные напитки черезъ соломинку или ѣсть мороженое. Забѣйте, кстати, до чего люди привередливы: въ декабрѣ, когда замороженные напитки легко добыть въ одну минуту, выставивъ ихъ на балконъ, никто и не думаетъ пользоваться ими. Но въ июлѣ, когда ледъ такъ дорогъ, и необходимо замѣнять его сложнымъ химическимъ охлажденіемъ, освѣжительные напитки разбираются на расхватъ. Кромѣ того, лѣто имѣетъ еще много специальныхъ пре-

Толстякъ: Я—пѣшеходъ и возмущаюсь автомобилями, которые вздымаютъ облака пыли...

имуществовъ,—надо только умѣть цѣнить ихъ. Вы не станете отрицать, что зимой не особенно приятно переѣмнять рубашку,—

Худой: Поѣзжайте купаться въ морѣ!

а лѣтомъ... Это истинное наслажденіе! Лѣто—единственная часть года, когда земля хоть сколько-нибудь напоминаетъ рай—по тому удовольствію, съ которымъ люди разблачаются. Лѣто избавляетъ отъ сношеній со

знакомыми, разбиваетъ вашихъ родственниковъ по дачамъ и курортамъ. Два величайшихъ бѣдствія, удручающихъ современное городское человѣчество,—инфлюэнца и званые обѣды,—даютъ намъ передышку на нѣсколько мѣсяцевъ. Театры закрываются, мы погружаемся въ умственную спячку, столь же полезную для души, какъ лѣчение воздухомъ—для тѣла. Ну, что вы теперь скажете, дорогой сосѣдъ, о благодѣяніяхъ лѣта?

Толстякъ (вытираясь платкомъ съ ожесточеніемъ). Я скажу, что они меня вгоняютъ въ цыганскій потъ!

Худой. Поѣзжайте купаться въ морѣ!

Толстякъ. Оно слишкомъ велико.

Худой. Тогда направьтесь въ горы!

Толстякъ. Онѣ слишкомъ высоки.

Худой. Въ пустыню!

Толстякъ. Тамъ слишкомъ людно.

Худой. Отправьтесь на воды!

Толстякъ. Увы, я слишкомъ здоров!

Худой. И вы жалуетсяе на это?

Толстякъ. Конечно. Что станешь дѣлать за время лѣтнихъ вакацій, если нѣтъ никакой болѣзни, которую можно бы полѣчить? Всѣ мои знакомые лѣчатся отъ чего-нибудь въ теченіе всего лѣта. У нихъ есть цѣль жизни. А я, несчастный, долженъ безъ всякаго смысла выносить всѣ муки изнурительнаго зноя...

Худой. Полноте, не поддавайтесь грустнымъ мыслямъ. Подумайте хорошенько, быть можетъ, вамъ удастся обнаружить хоть небольшое разстройство...

Толстякъ. Нѣтъ, мое положеніе безнадежно. Я совѣтовался уже съ десяткомъ врачей. Всѣ подтверждаютъ въ одинъ голосъ, что у меня нельзя найти самой крошечной болѣзни. Я обреченъ на вѣчное здоровіе... Это ужасно...

Худой. А у одного изъ моихъ друзей, представьте себѣ, вѣчные бронхиты. Это его нормальное состояніе. Иногда онъ отдѣляется отъ бронхита,—и тогда онъ боленъ.

Толстякъ. Счастливцевъ! А я съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, никогда не испытывалъ счастья выслушать отъ добраго знакомаго столь лестное и трогательное обращеніе: «Ну, какъ ваше здоровіе!»

Худой. Что же вамъ говорить?

Худой: Направьтесь въ горы!

Толстякъ. При встрѣчѣ я выслушиваю: «Я не спрашиваю васъ о здоровіи,—я вижу, что вы, какъ всегда, процвѣтаете».

Толстякъ: Увы, я слишкомъ здоров!

Можетъ-ли быть что-либо оскорбительнѣе, унижительнонѣе? Всѣ точно насмѣхаются надо мною. И въ итогѣ: никакого успѣха у женщинъ. Я бываю въ обществѣ. Меня не хотятъ слушать. Человѣкъ, который

как поразительно здоровь, очевидно, не может не быть идиотомъ. Я иду мѣста,— никто не принимаетъ въ серьезъ моихъ просьбъ: столь цвѣтущій человекъ явно не можетъ нуждаться... Отвратительно!

Худой. Что же вы думаете сдѣлать?

Толстякъ. Право, не знаю. Лѣтомъ я точно лишаюсь разсудка. Нѣсколько времени тому назадъ я впалъ въ такое отчаяніе, что готовъ былъ рѣшиться на нѣчто самое ужасное...

Худой. На самоубійство?

Толстякъ. Нѣтъ,—но я подумалъ, не жениться-ли мнѣ...

Худой. И вы отказались отъ этого намѣренія?

Толстякъ. Поневолѣ. За неимѣніемъ партнерши...

Худой. Неужели?

Толстякъ. Меня сватали много разъ; меня представляли нѣсколькимъ невѣстамъ... Разгромъ по всей линіи. Одна молодая дѣвица мнѣ сказала: «Я согласна выйти за васъ замужъ, но лишь послѣ того, какъ вы подвергнетесь многолѣтнему лѣченію». Мать другой невѣсты заявила мнѣ наотрѣзъ: «Ни за что на свѣтѣ! Машенька

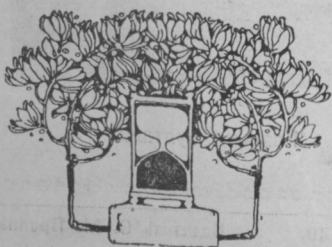

...и согласна выйти за васъ, но лишь послѣ того, какъ вы подвергнетесь многолѣтнему лѣченію.

такая хрупкая, а вы... такой здоровякъ!» Мнѣ остается жениться—на негритянкѣ изъ кафешантана, или на толстухѣ, которую показываютъ въ балаганѣхъ... Я предпочитаю остаться холостымъ.

Худой. Мнѣ жаль васъ.

Толстякъ. Ну, вотъ, видите... Вы жалѣете меня... Вы можете жалѣть меня, потому что вы—худощавы. Жалѣть ближняго—это своего рода удовольствіе. Это почти такъ же приятно, какъ узнать, что съ ближнимъ стряслось нѣчто весьма скандальное... Я лишень удовольствія жалѣть кого-нибудь. Съ такою комплексією, какъ моя, не имѣешь права сострадать, не подвергая себя обвиненію въ лицемеріи. Для всякаго очевидно, что я могъ такъ растолстѣть, потому что совершенно лишень сердца. Такъ думаютъ рѣшительно всѣ—и я, наконецъ, самъ проникся такимъ убѣжденіемъ. Я человекъ безсердечный!.. И мнѣ это очень огорчительно... Вотъ, почему я ненавижу лѣтнюю жару,—отъ которой мнѣ все лицо заливаетъ румянцемъ, вопіющимъ о моемъ неистребимомъ здоровіи!

МАРКИЗА.

Алана Видь.

Это было въ одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ курортовъ континента.

Взоры всѣхъ были обращены на новаго гостя—даму, сидѣвшую за тѣль-д'отомъ. Да и не удивительно: нельзя было не обратить на нее вниманіе, ужъ очень была она хороша.

Недѣлю спустя маркиза Діана ди-Марено считалась царицей общества. Она какъ-то вскользь упомянула о томъ, что она—вдова итальянскаго маркиза, оставившаго ей значительное состояніе.

Не испивъ чашу радости со своимъ первымъ, бывшимъ на цѣлыхъ тридцать лѣтъ старше ея супругомъ, она, видимо, была непрочъ вторично выйти замужъ.

Вскорѣ, однако, умы жителей курорта занялись другою злобою дня: произошелъ цѣлый рядъ кражъ со взломомъ, воры въ большинствѣ случаевъ забирались въ виллы, занятія пріѣзжими.

Дерзость воровъ достигла своего апогея на балу у маркизы.

Среди гостей находилась, между прочимъ, и герцогиня д'Орсалю. Отправилась герцогиня на балъ къ маркизѣ съ драгоценнымъ ожерельемъ на шеѣ, стала снимать мантию—и вдругъ замѣтила исчезновеніе ожерелья.

Вся уборная была перерыта; маркиза приказала строго-на-строго обыскать горничныхъ при уборной—все было безрезультатно. Герцогиня была въ отчаяніи. По совѣту маркизы, въ виллу герцогини былъ командированъ одинъ изъ надежнѣйшихъ слугъ маркизы, съ порученіемъ внимательно и тщательно искать. И, дѣйствительно, ожерелье было найдено на полу уборной герцогини.

Во время перерыва танцевъ маркиза прошла въ сопровожденіи князя д'Ормана въ садъ.

Досужіе языки шептали, что князь—избранникъ маркизы, и съ часу на часъ ожидали официального объявленія его женихомъ красавицы.

Опустившись на скамейку въ аллеѣ, маркиза попросила князя принести ей бокалъ шампанскаго.

Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, князь нашелъ маркизу страшно взволнованной и разстроенной.

Когда онъ только-что ушелъ,—объясняла маркиза князю, —она услышала за собою въ кустахъ полозрительный шорохъ; оглянувшись, она увидѣла двухъ неизвѣстныхъ ей мужчинъ, быстро скрывшихся отъ нея черезъ ограду, отдѣлявшую паркъ отъ лѣса.

Когда маркиза снова появилась въ залѣ, гости ея тотчасъ замѣтили исчезновеніе изъ ея діадемы цѣнной вѣтки рубиновыхъ и брилліантовыхъ цвѣтовъ; несомнѣнно, замѣченные маркизой незнакомцы были грабителями, съумѣвшими похитить у нея часть ея драгоценной діадемы.

Извѣстили полицію. Послѣдняя нашла слѣды ногъ, ведшіе отъ парка маркизы къ берегу моря. Тамъ они терялись.

Гости были инцидентомъ разстроены; одна хозяйка дома оставалась по-прежнему веселой и беззаботной... Возможно, что причинъ этому былъ маленький діалогъ съ княземъ. Онъ нѣжно шепталъ ей:

— Значить, ты позволишь мнѣ завтра прислать тебѣ новую діадему? Собственно говоря, причиною твоего маленькаго несчастія являюсь я, такъ какъ мнѣ не слѣдовало оставлять тебя одной.

На протесты маркизы онъ отвѣтилъ:

— Своему жениху ты не имѣешь права отказать въ этомъ маленькомъ удовольствіи. Или ты такъ мало любишь меня, что не желаешь принять отъ меня такого пустяка?

— Если смотрѣть на это съ твоей точки зрѣнія, то я, конечно, не могу тебѣ отказать,—прозвучалъ мелодическій голосокъ маркизы,—но, мой милый, не забывай, что до нашего официального обрученія—помолвки остался еще цѣлый мѣсяць!

Красавица-маркиза еще три недѣли пробыла въ курортѣ. Ухаживаніямъ и предложеніямъ не было счету.

Но въ концѣ-концовъ насталъ день, пролившій свѣтъ на всѣ эти необычныя происшествія.

Какъ-то разъ съ утренней почтой пришли цѣлыхъ десять писемъ, написанныхъ на одинаковой розовой, надушенной фіалками бумагѣ, однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Девять изъ этихъ писемъ были адресованы молодымъ представителямъ мѣстнаго высшаго общества, десятое—герцогинѣ д'Орсалю.

Розовое раздушенное письмо маркизы къ поклонникамъ гласило:

«Вы думали, что я выйду за васъ замужъ. То же самое думаютъ еще восемь человекъ. Не вѣрите—спросите всѣхъ тѣхъ, кто получилъ такое же «розовое письмо», какъ и это мое къ вамъ. Въ сущности говоря, мнѣ васъ жаль, такъ какъ я провела васъ. Вы же не можете не согласиться со мною, что мнѣ не мало труда стоило обручиться, одновременно, съ девятью молодыми людьми высшаго общества.

Выйти замужъ за кого-нибудь изъ васъ не могу, не взирая на то, что всѣ ваши свадебные подарки вродѣ: ожерелій, браслетовъ, колецъ и прочихъ драгоценныхъ бездѣлушекъ, мнѣ сослужили хорошую службу. Къ величайшему моему огорченію я уже замужемъ—замужемъ за моимъ лакеемъ, то есть, вѣрнѣе, за человекомъ, изображавшимъ во время «сезона» моего лакея. Считаю долгомъ своимъ выразить искреннюю благодарность отъ имени «маркизы ди-Марено» всему обществу за любезность и жертвы, принесенныя ей. «Маркиза», собственно говоря, недурненькій титулъ для дочери простаго ремесленника. Вы видите, я не стыжусь своего происхожденія. Въ одномъ я превосхожу васъ, а, именно, въ томъ, что я васъ всѣхъ основательно провела и перехитрила. Вы не можете не согласиться, что всѣ «кражи со взломомъ» были мною мастерски проведены! Искать насъ—не стоитъ труда.

Вы никогда насъ не найдете.

Въ то время, когда вы прочтете это письмо—мы будемъ уже въ полчѣйшей безопасности. Маркиза ди-Марено.»

Письмо къ герцогинѣ д'Орсалю было слѣдующаго содержания:

«Милая Сюзанна!

Зная, что ты не любишь фальшивыхъ брилліантовъ, беру на себя смѣлость обратиться къ тебѣ съ дружескимъ совѣтомъ: не носи своего знаменитаго ожерелья! Настоящее ожерелье, потерянное тобою въ моей уборной,—въ настоящее время составляетъ мою собственность.

То же, которое было найдено въ уборной твоей виллы—поддѣльное. Мужъ мой поддѣлалъ, онъ же его и подбросилъ. Жакъ мой—отличный ювелиръ. Его конекъ—все-возможныя имитации. Преданная тебѣ Діана ди-Марено.»

Памятник А. П. Чехову.

торжественно открыт 14-го июля с. г. в Баденвейлере, где в 1904 г. безвременно скончался знаменитый русский писатель.

Со снимка фотографа П. Гарстика, в Баденвейлере.

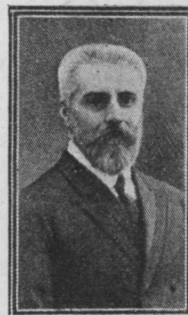

Памятник в Терриокхах, на месте, где был убит 18-го июля 1906 г. член первой Государственной Думы

М. Я. Герценштейн.

В день второй годовщины убийства, 18-го июля с. г., к простой гранитной глыбе памятника была прикреплена памятная доска с соответствующей надписью.

Къ событіямъ въ Турціи.

Ахмедъ-Риза,

Саидъ-Паша,

вождь младотурокъ, новый великій визирь, жившій до сихъ поръ олицетворяющій въ Парижѣ, гдѣ онъ Турціи преобразовательныя надежды. Онъ издавалъ „Мешветъ“, органъ младотурецкой партіи.

визиремъ шесть разъ

«Графиня Мици».

Подъ этимъ именемъ была известна среди вѣнской жуирующей молодежи хорошенькая падчерица нѣкогда Вейта, выдававшая себя за графа. Дѣвушка эта весной со стыда утопилась. Безчеловѣчный отчимъ открыто торговалъ тѣломъ несчастной; изъ приходныхъ записей Вейта обнаружилось, что онъ „выручилъ“ отъ торговли падчерицей 44 тысячи марокъ.

Входъ въ гаремъ.

Обитательницы султанскаго гарема, оберегаемаго день и ночь, въ большинствѣ — черкеменки. Но кто бы онѣ ни были — свободныя женщины или рабыни — дѣти ихъ, рожденныя въ гаремѣ, считаются свободными и законными. Известное число женъ, обычно — семь, занимаютъ по отношенію къ остальнымъ женщинамъ гарема высшее положеніе и именуется „госпожами дворца“.

Спальня султана.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ МОДА.

Ежемесячно при журналъ
„ОГОНЕКЪ“.

Описание рисунковъ.

Рис. 1 и 2. Прелестное кисейное платье

Рис. 1 и 2. Прелестное кисейное платье на шелковомъ dessous, отделанное кружевомъ валансьенъ. Отмечена шляпа съ самымъ пышнымъ розовыхъ розъ сбоку.

Рис. 3 и 4. Элегантный туалетъ для гулянья изъ черного шелка съ кружевной блузкой и гипюровыми отворотами. Юбка сложена въ бантовые складки, расходящіяся вверху.

Рис. 3 и 4. Элегантный туалетъ для гулянья.

Рис. 5. Лѣтній костюмъ для гулянья изъ бѣлой бумажной ткани. Модная юбка со швомъ спереди и широкимъ рубцомъ; короткое англійское фигаро съ широкой каймой, обшитой пуговицами. Соломенная шляпа съ кружевной рюшью.

Рис. 6. Платье изъ темно-синяго или сѣраго альпага для гулянья. Косое фигаро со стоячимъ или отложнымъ воротникомъ, изъ краснаго сукна, обшитаго галуномъ и тонкими же обшлагами. Шляпа „аризеа“ съ гребнемъ и кокетлив.

Рис. 7, 8 и 9. Три простенькихъ утреннихъ платья negligé для дачи или деревни изъ ситцу, батиста или пике, отделанныя лентами и кружевомъ, и большими сборчатыми воланами.

Рис. 10. Модный короткий жакетъ съ жилетомъ и бѣлыми отворотами, обшитыми чернымъ сукномъ.

Рис. 11. Утреннее платье для дѣвочки 8—10 лѣтъ. Платье гладкаго батиста или холста съ кружевной прошивкой. Блуза изъ другой матеріи въ горошкахъ. Бѣлая батистовая «шарлота» съ длинной лентой.

Рис. 12. Простенькій костюмъ для подростка. Платье безъ рукавовъ, надѣвается поверхъ лю-

Рис. 5. Лѣтній костюмъ для гулянья изъ бѣлой бумажной ткани.

Рис. 6. Платье изъ темно-синяго или сѣраго альпага для гулянья.

Рис. 7, 8 и 9. Три простенькихъ утреннихъ платья.

Рис. 10. Модный короткий жакетъ съ жилетомъ.

Рис. 11. Утреннее платье для дѣвочки 8—10 лѣтъ.

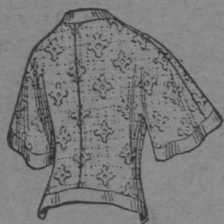
Рис. 12. Простелькій костюмъ для подростка.

Рис. 13. Прелестный бѣлый пикейный китель для маленькаго ребенка.

Рис. 14. Простелькій дачный костюмъ.

бой блузочки. Вырѣзъ и воланъ отдѣланы вышивкой. Бантъ у пояса изъ цвѣтной ленты. Со-

Другой видъ рис. 18.

ломенная шляпа съ двумя страусовыми перьями и бархатной отдѣлкой.

Рис. 14. Простелькій дачный костюмъ: полосатая ситцевая юбка съ косой обшивкой и гладкая холщевая блузка. Соломенная шляпа съ отдѣлкой фантази.

Рис. 15, 16 и 17. Три модныя блузы для дачнаго сезона изъ батиста, холста или кружева. Блуза № 17 красиво отдѣлана прошивками изъ русскаго кружева.

Рис. 18. Модная накидка съ рукавами изъ

Рис. 15, 16 и 17. Три модныя блузы для дачнаго сезона.

полосатой шерстяной матеріи, отдѣланная тесмой. Спереди маленькій жилетъ фантази. Соломенная шляпа съ отдѣлкой изъ плиссированнаго кружева, ленты и райскихъ перьевъ.

широкія складки. Вокругъ талии атласная ленточка.

Рис. 19. Элегантный жанетъ для гулянья изъ цвѣтноо сукна съ бархатными отворотами и длинными рукавами, безъ шва на плечахъ. Блуза отдѣлана кружевнымъ боа. Широкая соломенная «шарлота» съ бѣлой рюшкой внутри. Сверху красивая лента—галунъ и згреть страусовыхъ перьевъ.

Рис. 20. Платье для дѣвочки лѣтъ десяти изъ цвѣтнаго ситцу съ англійскимъ шитьемъ у ворота и талии. Шляпа «шарлота» изъ голубого ситцу или батиста съ вѣнкомъ изъ маленькихъ розъ. Черныя чулки, лакированныя туфли.

Рис. 21. Хорошенькій батистовый передникъ, заложенный въ мелкія складки, впису 3

Рис. 20. Платье для дѣвочки лѣтъ десяти изъ цвѣтнаго ситцу.

Рис. 21. Хорошенькій батистовый передникъ.

Рис. 18. Модная накидка съ рукавами.

Рис. 19. Элегантный жакетъ для гулянья.